

A man and a woman in business attire are looking at each other in a modern office setting. The man is wearing a dark suit and tie, and the woman is wearing a dark blazer over a white shirt. She is holding a white hard hat. They are standing in front of a large window that offers a view of a city skyline with a construction crane visible. The overall tone is professional and romantic.

Ирина
БИЛАРДИ

Мой идеальный
ХИЩНИК

Ирина Биларди

Мой идеальный хищник

<https://litres.ru/74644088>

Аннотация

— Вы слишком самоуверенны, — Шахов смотрит на меня в упор, и в его взгляде я вижу пугающую, темную глубину.

Он не злится так, как злился Вадим — с криками и брызгами слюны.

Его гнев холодный, расчетливый и оттого стократно более опасный.

— Вы решили, что раз выиграли один мелкий процесс у своего бывшего мужа, то можете диктовать условия «Норд-Групп»? Вы играете на моем поле, Александрова. И по моим правилам.

Упоминание Вадима бьет меня под дых.

Откуда он знает?

Впрочем, глупый вопрос. У Шахова лучшая служба безопасности в городе.

Мое прошлое для него — открытая книга и это заставляет меня вспыхнуть от ярости.

— Не смейте трогать мою личную жизнь. Вы ничего обо мне не знаете. — отчеканиваю я, чувствуя, как изнутри поднимается глухая, ледяная ненависть напополам с диким вожделием, которое я отчаянно пытаюсь подавить.

— Я знаю о вас всё, Марина. Я знаю, как вы работаете. Знаю, как вы дышите, когда напуганы. И знаю, как сильно ваше тело хочет меня сейчас.

Содержание

Глава 1.1. Марина	5
Глава 1.2	15
Глава 2.1. Константин. Анатомия хищника	19
Глава 2.2	25
Глава 2.3	29
Глава 3.1. Марина. Предел прочности	33
Глава 3.2.	40
Глава 4.1 Константин. Полевые испытания	48
Глава 4.2	52
Глава 5.1. Марина. Фантомные боли	64
Глава 5.2	67
Глава 5.3.	73
Глава 6.1. Константин. Закон сохранения массы	82
Глава 6.2.	92
Глава 7.1. Марина. Точка деформации	104
Глава 7.2.	114
Глава 8.1. Константин. Контролируемое обрушение	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Глава 1.1. Марина

— Свободна. Наконец-то, Господи, официально свободна!

Звон хрустальных бокалов в полумраке дорогого ресторана прозвучал для меня как финальный гонг на боксерском ринге.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как холодный воздух, пахнувший дорогим парфюмом, деревом и дорогими стойками, наполняет легкие. На душе было пусто, но эта пустота не пугала — она была чистой, как отмытый до блеска бетонный фундамент перед заливкой нового здания.

— Поздравляю, Маришка! — Инга, моя школьная подруга, а ныне — один из самых циничных и успешных пиар-директоров в сфере элитной недвижимости, победоносно вскинула свой бокал с сухим мартини.

На ее запястье хищно блеснули массивные часы и она потряхнула безупречно уложенной рыжей гривой. — Честно, я думала, этот никчемный высосет из тебя последние остатки нервов на разделе имущества. Но ты уделала его как девчонку. Оставить Вадима без половины его дутых акций — это было красиво. Чистый архитектурный расчет.

— Инга, ну зачем ты так, — мягко вздохнула Алиса, качнув головой. Наша третья мушкетерша была полной противоположностью Инги.

Алиса занималась реставрацией старинных книг, носила летящие шелковые блузы пастельных тонов и все еще, несмотря на тридцать лет и двоих детей, умудрялась смотреть на мир сквозь легкую дымку романтического идеализма.

Она придвинулась ближе ко мне, накрыв мою ладонь своей — теплой и мягкой. — Марин, ты как? Сердце не болит? Развод — это же как маленькая смерть. Столько лет вместе... Столько планов было.

Я посмотрела на них обеих и невольно улыбнулась.

Мои подруги были как два разных архитектурных стиля. Инга — жесткий, функциональный хай-тек из стекла и бетона, где каждый сантиметр пространства должен приносить прибыль. Алиса — уютный, немного пыльный модерн с плавными линиями, витражами и бесконечной верой в то, что красота и любовь спасут мир.

А я? Я, наверное, была классическим конструктивизмом. Строгая геометрия, жесткий каркас внутренней логики и полное отсутствие лишнего декора. Особенно теперь.

— Сердце не болит, Алис, — спокойно ответила я, сделав глоток ледяного джина с тоником. Горечь приятно обожгла язык. — Оно, кажется, просто атрофировалось за последние два года нашего... брака. Знаешь, какое самое главное чувство я испытала, когда судья поставил печать? Облегчение. Как будто я последние годы тащила на спине мешок с бракованным цементом, который намок под дождем и превратил-

ся в камень. И вот я его просто сбросила.

В памяти на мгновение всплыло лицо Вадима — некогда любимое, а к концу брака ставшее чужим и каким-то мелочным.

Наш развод длился бесконечные восемь месяцев, а еще больше года до этого он мне трепал нервы со всей изощренностью, на которую был способен. Вадим, мелкий застройщик с амбициями Илона Маска, но хваткой базарного торговца, никак не мог смириться с тем, что его жена — не просто приложение к его «успешному успеху», а ведущий эксперт-архитектор города.

Когда его фирма начала тонуть из-за его же глупых просчетов, он попытался залезть в капитал моего экспертного бюро. А когда я отказала — начался ад. Обвинения в эгоизме, попытки выставить меня плохой женой, а под конец — банальная измена с секретаршей, которую он даже не особо скрывал, надеясь уязвить мое самолюбие.

Ошибся адресом. Мое самолюбие лежало в плоскости профессиональных достижений, а не в вопросе того, с кем засыпает мужчина, потерявший мое уважение.

— И правильно! — Инга решительно вонзила вилку в салат с рукколой. — Мужчины в наше время — это крайне нерентабельный актив. Вкладываешь в них душу, время, инвестируешь свою молодость, а на выходе получаешь банкротство и кучу комплексов. Вот скажи мне, Алис, зачем Маринке сейчас отношения? Она только-только возгла-

вила независимое бюро. У нее контракт на экспертизу исторического центра! Ей нужно пахать, делать имя, зарабатывать миллионы, а не выслушивать дома нытье о том, что борщ недостаточно наваристый, а ее эго слишком велико для семейного счастья.

— Но ведь нельзя же всю жизнь прожить в одиночестве, — тихо, но упрямо возразила Алиса, переводя взгляд с Инги на меня. — Одно дело — карьера, это прекрасно, Мариночка, я так горжусь твоим назначением! Но ведь засыпать в пустой постели... Это же холодно. Человеку нужен человек. Интеллектуальный, сильный, который поймет тебя, разделит твои интересы. Вы будете спорить о Баухаусе за завтраком!

Я рассмеялась, откидываясь на спинку мягкого кожаного дивана.

— Алис, избавь меня от этой пасторали. Мужчина, который захочет спорить со мной о Баухаусе за завтраком, через неделю попытается доказать мне, что его концепция урбанизма правильнее просто потому, что у него есть Y-хромосома. Я сыта этим по горло. Развод научил меня одной важной вещи: любовь — это когнитивное искажение. Химическая реакция, которая временно ослепляет мозг, заставляя принимать нерациональные решения. Больше я на этот крючок не попадусь. Мой единственный приоритет сейчас — карьера. Я хочу выстроить такую репутацию, чтобы мое имя в девелопменте было абсолютным знаком качества. И никакие мужчины мне в этой системе координат не нужны. Вообще.

Даже для здоровья, Инга, не смотри на меня так.

— Ну и дура, — беззлобно фыркнула Инга, пригубив martini. — Для здоровья как раз очень даже надо. Но ладно, давай о деле. Раз уж ты теперь у нас большая начальница, ты понимаешь, в какую змеиную яму ты прыгнула со своей экспертизой исторического квартала на набережной?

Мой позвоночник мгновенно выпрямился. Профессиональный азарт вытеснил остатки расслабленности.

— Понимаю. Старый квартал мануфактур девятнадцатого века. Земля — золотая. Идеальное место под редевелопмент.

— Вот именно, — Инга подалась вперед, ее глаза хищно сузились. — Земля не просто золотая, она бриллиантовая. И на нее уже нацелился самый страшный хищник нашего города. Ты же знаешь, кто забирает этот тендер под элитную застройку, если твоя экспертиза признает здания не имеющими исторической ценности?

Я замерла с бокалом у губ. Разумеется, я знала. Об этом кричали все бизнес-новости последние три месяца.

— «Норд-Групп», — тихо произнесла я. — Константин Шахов.

При упоминании этого имени в воздухе как будто пронесся легкий сквозняк, пахнувший арктическим льдом. Алиса даже поежилась и поправила свой палантин, а Инга, наоборот, победоносно улыбнулась.

— Он самый, — подтвердила Инга. — Константин Ар-

дович Шахов. Холодный крокодил в эксклюзивном итальянском костюме. Человек-гидравлический пресс. Ты вообще видела его последние интервью?

Я видела.

Неделю назад я допоздна засиделась в офисе, изучая архивы по объекту, и наткнулась на запись его выступления на экономическом форуме.

С экрана на меня смотрел мужчина лет тридцати семи. Безупречно скроенный темно-серый костюм, ни одной лишней детали. Лицо с резкими, словно высеченными из гранита чертами. Ни тени улыбки. Но самое жуткое и одновременно гипнотизирующее в нем — это были глаза. Светло-серые, почти прозрачные, холодные, как зеркало замерзшего озера.

Он говорил о сносе старых районов с такой абсолютной, ледяной уверенностью, будто рассуждал о перестановке фигур на шахматной доске. Когда журналистка попыталась задать ему острый вопрос о сохранении культурного наследия, Шахов не стал оправдываться. Он просто посмотрел на нее — спокойно, давяще, подчиняюще — и привел три такие убийственные цифры экономической неэффективности старых построек, что бедная девушка едва не расплакалась в прямом эфире.

От него веяло пугающей, абсолютной властью. Человек, который никогда не проигрывает и не знает, что такое компромисс.

— Про него в кулуарах девелоперов такие легенды ходят

— жуть, — Инга понизила голос, хотя в ресторане и так было шумно. — Говорят, он два года назад подчистил весь строительный рынок под себя. Старую гвардию, которая привыкла решать вопросы через откаты и сауны, он просто уничтожил. Юридически. Перекупил их долги, зажал в такие тиски, что они сами приползли к нему подписывать отказы от участков. Он не договаривается, Марин. Он заходит в кабинет, кладет на стол свои условия, и у тебя есть ровно две минуты, чтобы согласиться. Если нет — он включает каток. Его собственная команда боится его до икоты. Патологический интеллеktуал с повадками диктатора.

— Ну, меня его каток не пугает, — я постаралась, чтобы мой голос прозвучал максимально твердо, хотя где-то глубоко внутри, в районе солнечного сплетения, шелохнулось странное, колющее чувство. — Я независимый эксперт. Моя задача — провести честную, детальную историко-архитектурную экспертизу. Если эти мануфактуры — памятник промышленного модерна, я так и напишу. И никакой Шахов со своими миллиардами и ледяным взглядом не заставит меня изменить заключение.

— Ой, Мариночка, — Алиса обеспокоенно всплеснула руками. — Ты только осторожнее с ним. Такие мужчины... они ведь не умеют видеть в женщинах равных. Для них весь мир делится на тех, кто подчиняется, и тех, кого нужно сломать. А ты у нас такая гордая. Он же тебя просто не заметит, перешагнет и пойдет дальше.

— Пусть попробует, — я прищурилась, глядя на город сквозь панорамное окно ресторана. Там, в вечерних сумерках, горели огни высоток, многие из которых были построены корпорацией Шахова. — Чтобы перешагнуть через меня, ему придется сначала перешагнуть через закон и через логику. А в этих сферах я ориентируюсь не хуже него.

— Девочки, смотрите, помяни черта! — Инга резко ткнула пальцем в сторону большого плазменного экрана, висевшего над барной стойкой. Там транслировался круглосуточный бизнес-канал без звука, только с бегущей строкой.

Мы все трое повернулись. На экране как раз шел репортаж с вечернего заседания градостроительного комитета. И в кадре крупным планом появилось лицо Константина Шахова.

Он выходил из здания мэрии в окружении свиты из юристов и помощников, которые буквально семенили за ним, пытаясь удержать над его головой зонт — на улице начинался дождь.

Сам Шахов шел размашистым, уверенным шагом, игнорируя вспышки камер. На секунду он остановился, повернул голову прямо к камере, словно глядя сквозь объектив на меня, сидевшую в этом ресторане.

Его лицо было абсолютно непроницаемым, как маска античного бога, требующего жертв. Строгий, подавляющий, невероятно порочный в своей абсолютной силе мужчина.

Внизу экрана побежала строка: *«"Норд-Групп" заявляет

о готовности инвестировать 15 миллиардов в речеделопмент прибрежной зоны. Финальное решение зависит от независимой архитектурной экспертизы»*.

— Мама дорогая, — прошептала Алиса, прижимая ладонь к груди. — У меня даже через экран мурашки от него. Какой тяжелый, страшный человек. Марин, ты уверена, что хочешь с этим связываться? Может, отдать этот проект кому-то другому из бюро? Ты же руководитель, имеешь право.

Я смотрела на экран, где Шахов уже садился на заднее сиденье бронированного черного лимузина, который тут же тронулся с места, растворяясь в дождливом московском вечере.

Мой пульс участился. Но это был не страх. Это был чистый, дикий азарт исследователя, который увидел перед собой самую сложную, самую опасную задачу в своей жизни.

После ничтожества Вадима, который пытался самоутвердиться за мой счет, используя мелкие пакости и бытовые манипуляции, столкновение с по-настоящему сильным, масштабным противником казалось мне... очищением. Настоящей проверкой на прочность.

— Нет, Алис, — я повернулась к подругам и подняла свой бокал, в котором сиротливо таял последний кусок льда. — Этот проект я не отдам никому. На следующей неделе у нас первое совместное совещание в градостроительном комитете. Вот там мы и посмотрим, насколько крепок этот «крокодил», когда сталкивается с безупречной архитектурной ло-

гикой. За мою новую жизнь, девочки. За мою свободу и мою работу.

Инга и Алиса переглянулись. Инга смотрела на меня с восхищением и легким опасением — она слишком хорошо знала мир большого бизнеса, чтобы понимать, чем заканчиваются такие битвы. Алиса — с тихой тревогой любящего сердца. Но обе они послушно звякнули своими бокалами о мой.

— За твою свободу, дорогая. Но помни: крокодилы не умеют играть по правилам. Они просто кусают и тащат на дно.

Слова Инги остались висеть в воздухе, пока мы допивали коктейли. Я тогда лишь мысленно посмеялась над ее предупреждением. Я была абсолютно уверена, что моя броня из профессионализма, цинизма и свежих шрамов после развода защитит меня от любого хищника.

Я еще не знала, что Константин Шахов не просто умеет тащить на дно. Он сам создавал это дно, менял его ландшафт и заставлял всех вокруг дышать под водой по его личному приказу. И наше первое столкновение было уже неизбежно.

Глава 1.2

Домой я вернулась ближе к полуночи. Моя новая квартира — небольшая, но с высокими потолками и огромными окнами в стиле лофт — встретила меня тишиной и запахом свежей краски.

Я специально выбрала жилье в доме, который когда-то сама же и реставрировала. Никаких вещей, напоминающих о Вадиме. Никаких общих фотографий, дурацких сувениров из совместных поездок, где мы уже тогда лишь делали вид, что счастливы. Только строгие стеллажи с профессиональной литературой, кулман у окна, огромный монитор и пара минималистичных кресел.

Я сбросила туфли на шпильке, с блаженством наступая босыми ногами на прохладную паркетную доску. Прошла на кухню, налила стакан фильтрованной воды и подошла к окну.

Дождь за окном усилился, превращая огни ночного города в размытые акварельные пятна.

Где-то там, за рекой, темнел тот самый исторический квартал — комплекс бывших текстильных мануфактур купца Хлебникова. Красный кирпич, стрельчатые окна, уникальные чугунные перекрытия внутри, отлитые еще на уральских заводах в 1880-х годах.

Для меня это был шедевр промышленной архитектуры,

памятник эпохи русского капитализма. Для Константина Шахова — просто гектары земли, которые нужно зачистить под корень, чтобы воткнуть туда безликие, хоть и ультрадо-рогие башни из стекла и титана.

Я сделала глоток воды, чувствуя, как внутри закипает привычная рабочая злость.

Мой телефон на кухонном острове коротко вибрировал. Я подошла и взяла его, думая, что это Инга или Алиса пишут стандартное «как добралась?». Но на экране высветился незнакомый номер. Сообщение в одном из мессенджеров было обескураживающим:

«Марина Александровна, доброй ночи. Меня зовут Марк, я личный помощник Константина Ардовича Шахова. Константин Ардович ознакомился с вашим назначением на должность главы экспертной комиссии по объекту "Ману-фактуры Хлебникова". Он просил передать, что ждет предварительные тезисы вашей экспертизы к понедельнику, до официального заседания комитета. Проект контракта о сотрудничестве между вашим бюро и "Норд-Групп" уже отправлен на вашу рабочую почту. Надеемся на конструктивный диалог».

Я перечитала сообщение дважды. Мои пальцы едва заметно сжали корпус телефона.

«Он просил передать, что ждет к понедельнику...»

Какая фантастическая, запредельная наглость.

Официальное заседание комитета назначено на среду. По

закону я вообще не обязана предоставлять застройщику никакие промежуточные материалы до оглашения официального вердикта, чтобы исключить давление на экспертизу.

Но Шахов даже не спрашивал.

Он просто ставил перед фактом через своего помощника.

Проекты контрактов они уже выслали. Они уже все решили. Они думали, что независимое бюро — это просто очередная строчка в их бюджете расходов на «согласования».

Я открыла ноутбук, зашла на рабочую почту. Действительно, письмо от юридического департамента «Норд-Групп» висело в почте. Я скачала прикрепленный файл договора и быстро пробежалась глазами по строчкам.

Сумма вознаграждения за «консультационные услуги» (именно так они завуалировали экспертизу) была астрономической. На эти деньги мое бюро могло безбедно существовать два года, обновить все программное обеспечение и нанять лучших реставраторов. Но чуть ниже, мелким шрифтом в разделе «Обязанности сторон», была защита формулировка: «Исполнитель обязуется учитывать градостроительные планы Заказчика и экономическую целесообразность сохранения элементов конструкций...»

Переводя с юридического на русский: «Мы платим вам кучу денег, а вы пишете в заключении, что здания сгнили и их надо снести».

Я закрыла ноутбук с резким стуком. Экран погас, отразив мое бледное лицо с упрямо сжатыми губами.

— Ну уж нет, Константин Ардович, — тихо сказала я в пустую комнату. — Вы привыкли, что все вокруг ломаются под вашим давлением. Но вы еще никогда не строили на моем фундаменте. Посмотрим, кто кого переломит.

Я легла в постель, но сон не шел. Перед глазами то и дело возникал тот короткий стоп-кадр из телевизионного репортажа. Холодный, пронзительный взгляд серых глаз, который, казалось, прошивал насквозь.

Мой первый официальный день в новой должности начался через несколько часов, и я знала, что этот день станет объявлением войны. Но впервые за долгое время я засыпала не с чувством обиды или унижения, какое оставлял после себя бывший муж, а с абсолютной, звенящей готовностью к бою. Компромисса не будет. И это было прекрасно.

Глава 2.1. Константин.

Анатомия хищника

— Смета раздута на одиннадцать процентов, Романов. И это я еще не заглядывал в раздел подземного паркинга, где ваши инженеры, судя по цифрам, решили использовать вместо бетона жидкое золото.

В конференц-зале на сорок пятом этаже башни «Норд-Групп» стояла такая тишина, что было слышно, как на стеклянную стену снаружи падают тяжелые капли октябрьского дождя. Я сидел во главе длинного стола из мореного дуба. Мой голос не поднимался выше спокойного, делового регистра, но эффект был предсказуем: директор по строительству Романов бледнел на глазах, а его правая рука судорожно сжимала ручку, едва не ломая пластик.

— Константин Ардович, но ведь грунтовые воды у набережной... — робко попытался вставить Романов, вытирая платком взмокший лоб. — Проект «Мануфактур Хлебникова» требует уникального укрепления фундамента. Историческая зона, статус...

— Историческая зона требует ума, Романов, а не воровства, — я перелистнул страницу распечатанного отчета, даже не взглянув на него. — Грунтовые воды в этом квадрате мы исследовали еще весной, до того как выкатили тендер.

Все коэффициенты усадки мне известны. Переделайте проект дренажной системы. Срок — до среды. Если в среду на моем столе не будет оптимизированной сметы с падением стоимости минимум на восемь процентов, вы освободите это кресло для кого-то более сообразительного. Вопросы?

Вопросов не было.

Пятеро топ-менеджеров сидели неподвижно, боясь дышать. В моем бизнесе не любили сантиментов.

Девелопмент такого масштаба — это не просто строительство домов, это перекраивание карты мегаполиса. Здесь выживали только те, у кого вместо нервов были стальные тросы, а вместо интуиции — сухой математический расчет.

Я строил эту империю десять лет, вычищая конкурентов, чиновников-взяточников и некомпетентных идиотов с жесткостью гидравлического пресса. Меня называли диктатором и чудовищем, но мне было плевать. Эффективность — единственная религия, которую я признавал.

— Свободны, — коротко бросил я.

Кресла закричали, мужчины и две женщины-юристки поспешно собрали свои планшеты и папки, покидая зал заседаний с такой скоростью, словно за ними гнался конвой.

Я остался один. Отпустил узел строгого темно-серого галстука, откинулся на спинку кожаного кресла и посмотрел в панорамное окно.

За стеклом, утопая в серой дымке и неоновых огнях, лежал город. Мой город. На треть состоящий из объектов, ко-

которые возвела «Норд-Групп». А прямо у излучины реки темнел тот самый злосчастный квартал текстильных мануфактур Хлебникова.

Пятнадцать миллиардов рублей инвестиций.

Мой флагманский проект элитного жилого комплекса, который должен был окончательно закрепить за мной статус абсолютного лидера рынка.

Дверь конференц-зала бесшумно отворилась. Вошел Марк, мой личный помощник — единственный человек в компании, который не бледнел при моем появлении, хотя и держал идеальную дистанцию. В руках он нес чашку двойного эспрессо без сахара и тонкую папку из крафтовой бумаги.

— Ваш кофе, Константин Ардович, — Марк поставил чашку на стол, расположив ее ровно в пяти сантиметрах от моего правого локтя. Как я любил. — И досье, которое вы запрашивали. На нового руководителя независимого архитектурно-экспертного бюро.

Я сделал глоток обжигающе горького напитка.

— Рассказывай. Юристы отправили ей проект нашего контракта, как я велел?

— Отправили. Вчера поздно вечером, — Марк заглянул в свой планшет. — Ответ пришел сегодня ровно в восемь утра. Точнее, не ответ, а официальный отказ от подписания в данной редакции. С пометкой «Предложенные условия нарушают пункт три статьи Градостроительного кодекса о независимости экспертной оценки». Она завернула наш стандарт-

ный договор, Константин Ардович. Даже не попыталась выторговать больший гонорар.

Я поднял бровь.

Это было неожиданно.

Обычно независимые эксперты, получая от «Норд Групп» сумму с шестью нулями за «консультационные услуги», подписывали бумаги в течение часа, прекрасно понимая, какой вердикт от них требуется. Всем нужен компромисс. Все хотят жить красиво.

— Кто она такая? — я протянул руку, и Марк тут же вложил в нее папку.

— Александрова Марина Александровна. Тридцать два года. Прошлую пятницу градостроительный комитет утвердил ее на должность главы экспертной комиссии по «Мануфактурам». Кандидатура независимая, согласованная мэрией. Чистая репутация, куча международных грантов по реставрации, кандидатская диссертация по промышленной архитектуре девятнадцатого века. Преподавала в МАРХИ. Коллеги отзываются о ней как о... цитирую: «фанатике своего дела с феноменальной памятью и тяжелым характером».

Я открыл папку. С первой страницы на меня смотрела фотография. Никакого глянца, обычный снимок для личного дела, но я завис на нем на несколько секунд дольше, чем собирался.

Правильные, немного резковатые черты лица.

Никакого намека на модный ныне «тюнинг» — пухлые гу-

бы, перекроенный нос. Все свое, естественное, строгое.

Темные волосы убраны в гладкий пучок, открывая высокую шею.

Но главное — глаза. Темно-карие, смотрящие прямо в объектив с холодным, почти осязаемым вызовом.

Интеллектуальное лицо. Женщина, которая умеет думать, а не просто хлопать ресницами.

— Что по личной жизни? — спросил я, перелистывая страницу. Схемы, послужной список, публикации... Впечатляюще. Ни одного проваленного проекта, ни одной зацепки для шантажа.

— Свежий развод, — Марк кашлянул. — Буквально на прошлой неделе официально расторгла брак с Вадимом Волковым. Помните такого? «Волков-Девелопмент», мелкий застройщик, пытался в прошлом году судиться с нами за участки в Тушино.

Я презрительно усмехнулся.

— Помню. Ничтожество с амбициями и кучей долгов. Как они сошлись?

— Женились еще студентами. Но самое интересное — развод. Волков пытался отсудить у нее долю в ее независимом бюро, когда его собственная фирма начала тонуть. Процесс длился восемь месяцев. В итоге Александрова не просто защитила свое имущество, она через суд доказала нецелевое использование им совместных средств и фактически лишила его половины акций в его же собственной конто-

ре. Парень сейчас на грани банкротства и брызжет ядовитой слюной во всех интервью.

Я закрыл папку и тихо постучал пальцами по обложке.

Картинка складывалась любопытная.

Значит, Марина Александровна только что вышла из тяжелой юридической бойни с мужчиной, которого презирала, сохранила зубы, характер и независимость, а теперь возглавила бюро, от решения которого зависит мой главный проект.

И первый ее шаг — демонстративный щелчок по носу строительному гиганту в моем лице.

— Интересная женщина, — сорвалось у меня с губ прежде, чем я успел себя проконтролировать.

— Непредсказуемая, Константин Ардович, — поправил Марк. — Если она признает эти кирпичные развалины памятником федерального значения, мы не сможем снести ни одного корпуса. Проект придется переделывать под реставрацию, а это потеря половины полезной площади и увеличение сроков на два года. Убытки составят миллиарды. Она не пойдет на компромисс, Волков пытался ее сломать — не вышло.

Внутри меня привычно заворочался хищный азарт. Непредсказуемая? Отлично. Я любил сложные задачи. Они хотя бы разгоняли кровь, в отличие от унылой рутины и предсказуемых людей.

Глава 2.2

Особенно предсказуемыми были женщины.

За свои тридцать семь лет я изучил этот подвид человечества вдоль и поперек, и у меня не осталось ни одной иллюзии. Все мои прошлые отношения строились по одной и той же убогой, транзакционной схеме. Сначала они строили из себя неземных, бескорыстных созданий, уверяли, что им нужен «просто Костя», а не глава «Норд-Групп». Они заглядывали мне в рот, ловили каждое слово, притворялись, что им безумно интересно слушать про логистику поставок арматуры или особенности заливки монолита.

А потом неизменно наступал второй акт. Глаза «неземных созданий» при встрече со мной начинали сканировать мои запястья в поисках новых часов, их пальцы случайно забывали в моей машине буклеты закрытых ювелирных показов, а в разговорах все чаще всплывали «проблемы с бизнесом у папы» или «необходимость открыть свой бренд одежды».

Моя бывшая невеста, Карина, дочь одного из замминистров, продержалась дольше всех — почти год. Она была умна, прекрасно воспитана, вела себя безупречно на раутах. Но стоило мне ради эксперимента намекнуть, что у «Норд-Групп» начались серьезные проблемы с налоговой и я могу потерять часть активов, как в ее глазах мгновенно включился калькулятор. Через две недели она «вдруг» осознала, что

мы слишком разные люди, и улетела в Монако с сыном нефтяного магната.

Женщины рассматривали меня как высокорентабельный инвестиционный проект. Источник ресурсов, бездонный кошелек, социальный лифт. Они использовали свою слабость, нежность и уязвимость как валюту, пытаясь обменять ее на мои миллиарды. Это вызывало у меня лишь глухое, ледяное презрение.

Я не против платить за услуги — секс, красивое сопровождение на приемах, статус успешного мужчины рядом с ухоженной куклой. Но я терпеть не мог, когда мне пытались продать это под соусом «великой любви».

С Мариной Александровой, судя по всему, этот номер бы не прошёл. Она сама зарабатывала, сама уничтожала мужчин в судах и плевать хотела на мои деньги.

— Контракт она, значит, завернула, — протянул я, глядя на фото карих глаз. — Наглая.

— Что будем делать, Константин Ардович? — спросил Марк. — Надавить через градостроительный комитет? У нас есть рычаги на председателя. Можно попробовать заменить эксперта под благовидным предлогом.

— Нет, — я качнул головой, чувствуя, как губы сами растягиваются в жесткой улыбке. — Если мы снимем её сейчас, это поднимет шум в прессе. Градозащитники и так воют под окнами мэрии из-за этих мануфактур. Нам нужен её вердикт. Но такой, какой нужен мне.

— Но она не подпишет наши условия.

— Значит, я заставлю её изменить свое мнение. Лично. Когда у нас первое заседание комитета, где она присутствует?

— В среду, в одиннадцать утра. В здании градостроительства. Будет предварительное слушание концепций.

— Отлично. Внеси в мой график. Я поеду сам.

Марк удивленно моргнул. Обычно на такие рутинные мероприятия я отправлял начальника юридического отдела или того же Романова. Мое личное присутствие означало, что проект переходит в разряд стратегических войн.

— Понял, Константин Ардович. Сделать еще кофе?

— Нет, свободен, Марк. И найди мне полную стенограмму судебного процесса Александровой с её бывшим мужем. Хочу знать, какое оружие эта девочка использует в ближнем бою.

— Будет сделано к вечеру.

Помощник бесшумно испарился, закрыв за собой дверь.

Я снова повернулся к окну, барабанил пальцами по столу. Дождь за стеклом превращался в настоящий ливень, размывая контуры старого кирпичного квартала на той стороне реки.

«Фанатик с тяжелым характером», значит? Ну что ж, Марина Александровна. Ты построила свою маленькую крепость из законов, принципов и гордости, решив, что после развода тебе больше никто не страшен. Ты думаешь, что если

устояла против мелкого шакала Волкова, то сможешь остановить меня.

Но ты еще не сталкивалась с настоящими хищниками. В среду я зайду в этот зал, и мы проверим, насколько прочен твой фундамент, когда на него давит сила, не знающая отказов.

Глава 2.3

Остаток дня прошел в привычном бешеном темпе. Звонки, согласования, жесткий разбор полетов с подрядчиками из Китая, которые задерживали поставку фасадных систем для другого моего объекта. К семи вечера голова гудела от цифр и графиков, но стоило Марку положить на мой стол обещанную распечатку судебного процесса Александровой, как усталость как рукой сняло.

Я устроился в глубоком кресле в своем кабинете, включив лишь настольную лампу с зеленым абажуром, и погрузился в чтение.

Это было захватывающе. Настоящий интеллектуальный триллер, зафиксированный сухим языком судебного протокола.

Ее бывший муж, Вадим Волков, нанял дорогую адвокатскую контору, которая специализировалась на грязных разводах. Они пытались выставить Марину эмоционально нестабильной, обвиняли в том, что она забросила семью ради карьеры, требовали половину бизнеса, утверждая, что Волков инвестировал в её бюро свои личные средства на старте. Классическая, мерзкая схема, призванная раздавить женщину морально, заставить её сдаться и пойти на мировую на условиях мужчины.

Но Марина не сломалась. Вместо того чтобы устраивать

истерики, нанимать ответных пиарщиков или плакать в зале суда, она включила холодную, убийственную логику.

Она сама, без адвокатов, вела ключевые допросы свидетелей. В протоколе были зафиксированы её реплики — короткие, точные, бьющие прямо в цель. Она предоставила суду выписки со скрытых счетов Волкова, о существовании которых его собственные юристы не подозревали. Она по минутам восстановила цепочку его трат, доказав, что его «инвестиции» в её бюро были ни чем иным, как попыткой отмыть деньги, украденные им у дольщиков своего же недостроя.

«Уважаемый суд, — цитировал я её слова из протокола финального заседания. — Мой супруг утверждает, что его вклад в создание архитектурного бюро был решающим. Однако, согласно финансовому аудиту, за последние три года господин Волков изъям из семейного бюджета сумму, эквивалентную стоимости двух моих мастерских, и потратил её на содержание объектов, не имеющих отношения ни к бизнесу, ни к нашей семье. Я требую не просто отклонения его иска, но и полной компенсации долей...»

Я отложил бумаги, чувствуя, как внутри нарастает странное, глухое уважение. Эта женщина не защищалась. Она нападала. Хладнокровно, расчетливо, используя глупость и жадность своего противника как рычаг для его же уничтожения. Она размазала его по стенке его же собственными экономическими преступлениями.

«И после этого ты думаешь, что все мужчины одинаковы,

да, Марина?» — подумал я, прищурившись на её фотографию, которую Марк прикрепил к первой странице протокола. — «Ты решила, что раз один мужчина оказался вором и ничтожеством, то можно закрыться в своем кабинете с чертежами и объявить войну всему миру?»»

Она явно презирала слабость. Презирала мужчин, которые пытались казаться сильными за счет манипуляций. И в этом мы с ней были похожи. Я тоже не выносил слабости.

Но была одна разница. Волков был мелким застройщиком, игравшим в высшей лиге по чужим правилам. А я эти правила создавал.

Мой телефон на столе коротко звякнул. Экран загорелся, высветив уведомление от Марка: *«Константин Ардович, председатель градостроительного комитета подтвердил ваше участие в среду. Формат встречи — закрытый. Александрова уведомлена об изменении состава участников со стороны инвестора»*.

Я потянулся, чувствуя, как мышцы приятно напрягаются после долгого сидения.

Времени до среды оставалось немного. Обычно перед такими встречами мои аналитики готовили тонны компромата на чиновников, чтобы я мог манипулировать ими прямо во время переговоров. Но против Александровой компромата не было. Да он был и не нужен. Против её безупречной логики я собирался выставить свою — еще более масштабную, подкрепленную ресурсами, властью и личным давлением.

Я подошел к бару, налил в тяжелый стакан немного од-носолодового виски, сделал глоток, наслаждаясь торфяным, дымным послевкусием.

Женщины в моей жизни всегда были легкой добычей. Стоило мне щелкнуть пальцами, показать малую часть своих возможностей — и они падали к моим ногам, соревнуясь в покорности. Это было скучно. Это усыпляло инстинкты.

Марина Александровна Александрова обещала стать самым интересным противником за последние несколько лет. Она еще не знала, что её отказ от нашего контракта — это не конец истории, а лишь первый ход в партии, которую она гарантированно проиграет. Потому что я не умею отступать. И если для того, чтобы забрать этот участок земли, мне придется сломать её профессиональную гордость — я сделаю это без колебаний.

Но почему-то, глядя на её строгий силуэт на фотографии, я поймал себя на мысли, что мне хочется не просто сломать её. Мне хочется увидеть, как эти холодные карие глаза загорятся настоящим, живым огнем. Не яростью против бывшего мужа, а страстью к мужчине, который окажется сильнее неё.

— Посмотрим, Марина Александровна, — тихо произнес я в темноту пустого кабинета, поднимая стакан в безмолвном тосте. — Посмотрим, насколько крепок твой бетон. До среды.

Глава 3.1. Марина.

Предел прочности

Я затягиваю пояс строгого графитового костюма-двойки так туго, что становится трудно дышать. Отличное ощущение. Корсет из плотной шерсти держит осанку лучше любой внутренней дисциплины.

В зеркале туалетной комнаты Градостроительного комитета на меня смотрит женщина, готовящаяся к выходу на ринг. Никаких лишних деталей: гладкий низкий пучок, глухая шелковая блузка цвета топлёного молока, ни единого украшения, кроме лаконичных часов на кожаном ремешке. Моё лицо после восьми месяцев судебных кошмаров кажется смытым, очищенным от прежней мягкости. Кожа бледная, губы сжаты в прямую линию, а в карих глазах застыла сухая, аналитическая пустота.

Я полностью готова. Это мой первый официальный день в качестве главы независимой экспертной комиссии, и я не позволю ни одному девелоперу города думать, что меня можно сдвинуть с намеченной траектории хотя бы на миллиметр.

Выхожу в коридор. Старинное здание в Романовом переулке встречает меня высокими сводами, запахом дорогого паркета, мастики и векового чиновничьего уныния.

У дверей малого зала заседаний уже собираются люди. Члены комитета — профессора архитектуры, седовласые урбанисты, юристы мэрии — тихо переговариваются, шуршат распечатками. Они кивают мне сдержанно, с легким любопытством. Я для них — темная лошадка, вынырнувшая из затяжного скандального развода прямо на ключевой проект года.

— Марина Александровна, добрый день, — ко мне подходит председатель комитета, Бородин, плотный мужчина с усталыми глазами и безупречными манерами старого аппаратчика. — Как устроились на новом месте? Готовы к сегодняшнему... хм, предметному разговору?

— Добрый день, Пётр Сергеевич. Всё в порядке, рабочая группа сформирована, архивы Хлебниковых мануфактур подняты, — я открываю кожаную папку, проверяя взглядом плотные листы моих предварительных тезисов. — Разговор будет предметным. Моя позиция однозначна: главный ткацкий корпус имеет уникальные чугунные перекрытия конца девятнадцатого века. Сносить его — преступление против истории города.

Бородин криво улыбается, и в его взгляде проскальзывает откровенная жалость.

— Ну-ну. Посмотрим, как вы озвучите эту позицию нашему главному инвестору. Они настроены крайне решительно. «Норд-Групп» не любит терять время на сантименты.

— Я здесь не ради сантиментов, Пётр Сергеевич. Я здесь

ради Градостроительного кодекса.

В этот момент тяжелые дубовые двери в конце коридора распахиваются, и разговоры вокруг мгновенно затихают. Воздух в помещении словно сгущается, давление падает, как перед сильной грозой.

По коридору размашистым, хищным шагом идет свита. Впереди — двое юристов с кожаными портфелями, за ними семенит директор по строительству Романов, которого я помню по старым профессиональным выставкам, а замыкает шествие Марк, тот самый помощник, приславший мне ночное наглое сообщение.

Но всё это лишь безликий фон для мужчины, который идет в самом центре.

Константин Шахов.

Экран телевизора безбожно льстил ему, сглаживая ту пугающую, первобытную энергетику, которую он излучает вживую.

Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем темно-синем костюме-тройке, который подчеркивает его жесткий, тренированный силуэт.

Шахов не просто идет — он владеет этим пространством. Каждое его движение пропитано абсолютной, ледяной уверенностью человека, который привык подчинять себе людей, обстоятельства и законы физики.

Лицо кажется высеченным из серого гранита: резкие скулы, тяжелый подбородок, жестко очерченный рот без намека

на эмоции.

И глаза. Светло-серые, прозрачные, как арктический лед, они сканируют присутствующих с мимолетным, почти оскорбительным равнодушием.

Он останавливается в трех шагах от нас. Бородин тут же делает шаг вперед, расплываясь в приветственной улыбке и протягивая руку.

— Константин Ардович! Рады видеть вас лично. Редкий визит на предварительные слушания.

— Время — самый дорогой ресурс, Пётр Сергеевич, — голос Шахова звучит низко, с глубокой бархатистой хрипотцой, от которой у меня по коже вопреки воле пробегает странная, колючая волна. В этом голосе нет крика, но в нем звенит такая сталь, что спорить с ним кажется самоубийством. — Проект «Мануфактур» буксует из-за бюрократических проволочек уже вторую неделю. Я пришел ускорить процесс.

И тут его ледяной взгляд перемещается на меня.

Секунда.

Другая.

Пространство между нами словно сжимается до размеров тонкой, натянутой до звенящего предела струны.

Шахов смотрит на меня сверху вниз, не мигая, давя своим ростом и этой своей монолитной, подавляющей властью. Он изучает мое лицо, задерживается на губах, поднимается к глазам, и я физически ощущаю, как его взгляд пытается

ся вскрыть мою оборону, нащупать слабинку, заставить меня опустить глаза, как это делают все вокруг.

Мой пульс делает дикий, безумный скачок.

Сердце начинает колотиться в грудную клетку с такой силой, что мне кажется, этот стук слышен всем присутствующим.

Но это не страх перед застройщиком. Это какое-то дикое, первобытное, давно забытое женское чувство уязвимости перед лицом абсолютной мужской силы. Моё тело реагирует раньше разума: к щекам приливает жар, дыхание перехватывает, а внизу живота рождается опасный, тягучий трепет.

Я приказываю себе дышать ровно.

Я выдерживаю его взгляд. Мои глаза встречаются с его ледяными серыми, и я не отворачиваюсь. Я буквально заставляю себя ненавидеть эту его высокомерную, вальяжную позу, этот собственнический взгляд хищника, который уже мысленно поставил на мне клеймо очередной решаемой проблемы.

— Позвольте представить, — поспешно встречается Бородин, чувствуя повисшее в воздухе грозное напряжение. — Александрова Марина Александровна, новый руководитель экспертной комиссии.

Шахов едва заметно прищуривается. На его дне на мгновение вспыхивает острый, опасный интерес. Он делает полшага вперед, нарушая мои личные границы, так что я отчетливо улавливаю тонкий аромат его парфюма — дорогой та-

бак, горький цитрус и сандал. От этого запаха кружится голова.

— Марина Александровна, — произносит он, и мое имя в его исполнении звучит как судебный приговор. — Наслышан. Вы, кажется, очень любите кодексы и очень не любите выгодные контракты.

— Я люблю закон, Константин Ардович, — мой голос звучит на удивление твердо и сухо, хотя внутри меня все дрожит от адреналина. — А выгодные контракты хороши тогда, когда они не требуют от меня сделок с совестью и фальсификации документов.

Его юристы за спиной синхронно втягивают воздух, Романов бледнеет еще сильнее. Наглый вызов в адрес Шахова здесь явно считается государственной изменой. Но сам Константин даже не кривится. Напротив, в углу его строгого рта на долю секунды появляется едва заметная, хищная усмешка.

— Смелое заявление для женщины, которая только что возглавила комиссию, — его голос падает на полтона, становясь еще более давящим. — Надеюсь, ваша архитектурная логика так же сильна, как и ваша гордость. Пройдемте в зал. Время пошло.

Он разворачивается и первым заходит в кабинет, оставляя за собой шлейф тепла и того самого порочного, будоражащего запаха.

Я делаю глубокий, судорожный вдох, пытаюсь вернуть

контроль над собственными мыслями.

«Успокойся, Марина, — приказываю я себе, сжимая пальцы на папке до белизны в суставах. — Это просто богатый, зажавшийся ублюдок, который привык ломать людей. Он такой же, как Вадим, просто масштаб побольше. Не смей вестись на эту первобытную химию. Ты интеллектual. Ты размажешь его цифрами».

Глава 3.2.

Мы занимаем места за длинным столом. Шахов садится прямо напротив меня. Он откидывается на спинку кресла, складывает замком длинные, сильные пальцы и устремляет на меня свой парализующий взгляд.

На протяжении всего вступления Бородин он не сводит с меня глаз.

Это не просто просмотр документов, это ментальный секс, психологическая осада.

Он проверяет мою инсоляцию, пытается выбить меня из колеи, но я демонстративно игнорирую его, делая пометки в блокноте. Хотя кожа на моем лице буквально горит от его внимания.

— Итак, слово предоставляется инвестору, — объявляет Бородин. — «Норд-Групп», концепция редевелопмента прибрежной зоны.

Директор по строительству Романов торопливо включает проектор. На большом экране появляются глянцевые, ослепительно красивые 3D-визуализации.

Башни из стекла, футуристические изгибы, роскошная набережная, яхтенный причал. Всё дорого, элитно, масштабно.

— Наша концепция предполагает полную очистку территории от ветхих строений, — начинает Романов, и его голос

слегка подрагивает под тяжелым взглядом шефа. — Историческая ценность мануфактур Хлебникова сильно преувеличена. Здания находятся в аварийном состоянии, кирпич крошится, несущие конструкции деформированы грунтовыми водами. Сохранение хотя бы одного корпуса уменьшит полезную площадь жилого комплекса на сорок процентов и сделает проект экономически нерентабельным. Мы предлагаем полностью демонтировать старый фонд и возвести современный архитектурный ансамбль, который станет новым символом города...

— Извините, я вынуждена вас прервать, — я поднимаю руку, и Романов осекается на полуслове, испуганно глядя на Шахова.

Константин медленно переводит взгляд с экрана на меня, его брови едва заметно взлетают вверх.

— Да, Марина Александровна? У вас уже есть возражения к визуализации? — спрашивает он с легкой, ленивой издевкой. — Вам не нравится цвет остекления?

— Мне не нравится подмена понятий, Константин Ардович, — я поднимаюсь со своего места, опираясь ладонями о полированную поверхность стола.

Это дает мне возможность смотреть на него слегка сверху вниз, выравнивая наши позиции.

— Господин Романов называет уникальный ансамбль промышленного модерна «ветхими строениями». Это ложь. Или профессиональная некомпетентность, в чем я сомнева-

юсь, зная репутацию вашей компании.

Я включаю свой планшет, дублируя изображение на второй экран. На смену ярким картинкам приходят сухие инженерные схемы, архивные чертежи и таблицы.

— Вот результаты нашей экспресс-экспертизы, проведенной за последние три дня, — я говорю четко, чеканя каждое слово, используя весь свой багаж знаний как тяжелую артиллерию. — Несущие конструкции Хлебниковых мануфактур выполнены из уральского демидовского чугуна по проекту инженера Шухова. Коэффициент прочности этих перекрытий превышает стандарты вашего хваленного монолита на тридцать два процента. Да, грунтовые воды подмывают фундамент, но проблема решается стандартным устройством дренажного экрана и цементацией грунтов. Стоимость этих работ, согласно моим расчетам, составляет всего полтора процента от вашего общего бюджета в пятнадцать миллиардов.

Я перевожу взгляд на Шахова. Он сидит неподвижно, его лицо превратилось в абсолютно непроницаемую маску, но серые глаза потемнели, превратившись в грозные тучи.

В них больше нет ленивой издевки. Там горит жесткое, оценивающее внимание.

— Сокращение полезной площади на сорок процентов — это тоже дутая цифра, Константин Ардович, — продолжаю я, чувствуя, как внутри меня поет сладкое чувство триумфа. — Если вы интегрируете главный ткацкий корпус в структуру

жилого комплекса, превратив его в лофт-апартаменты премиум-класса с высотой потолков в пять с половиной метров, капитализация этого квадратного метра вырастет на сорок пять процентов по сравнению с вашими типовыми стеклянными коробками. Вы не потеряете деньги. Вы заработаете больше, сохранив историческое наследие. Но для этого нужно включить архитекторов, а не просто пустить в ход бульдозеры.

В зале повисает звенящая, мертвая тишина.

Члены комитета переглядываются, Бородин незаметно вытирает шею платком.

Я только что при всех обвинила крупнейшего девелопера в неэффективности и манипуляции цифрами, разбив его аргументы в пух и прах на его же территории — в сфере денег.

Шахов медленно опускает руки на стол.

Он подается вперед, и его огромная, властная фигура словно накрывает меня тенью, несмотря на разделяющее нас расстояние.

Напряжение между нами становится почти физическим, сексуальным, диким.

— Вы отлично умеете считать чужие деньги, Марина Александровна, — его голос падает до опасного, вкрадчивого шепота, от которого у меня перехватывает дыхание. — Но вы забываете один маленький нюанс. Экспертиза лофт-апартаментов требует согласования в трех федеральных ведомствах. Это увеличивает сроки реализации проекта ми-

нимум на восемнадцать месяцев. Мои инвесторы не будут ждать полтора года, пока вы будете любоваться шуховским чугуном. Каждый день простоя стоит мне три миллиона рублей. Вы готовы компенсировать эти убытки из бюджета вашего независимого бюро?

— Сроки можно оптимизировать, если ваши юристы займутся делом, а не будут рассылать кабальные контракты независимым экспертам, — парирую я, не отступая ни на шаг.

Мои щеки горят, глаза блестят, я чувствую, как между нами летят настоящие, видимые только нам двоим искры.

Это противостояние заводит меня так, как никогда не заводи́ли самые изысканные ухаживания. Это адреналиновый кайф, чистая, концентрированная страсть, замаскированная под производственный спор.

— Вы слишком самоуверенны, — Шахов смотрит на меня в упор, и в его взгляде я вижу пугающую, темную глубину.

Он не злится так, как злился Вадим — с криками и брызгами слюны.

Его гнев холодный, расчетливый и оттого стократно более опасный.

— Вы решили, что раз выиграли один мелкий процесс у своего бывшего мужа, то можете диктовать условия «Норд-Групп»? Вы играете на моем поле, Александрова. И по моим правилам.

Упоминание Вадима бьет меня под дых.

Откуда он знает? Впрочем, глупый вопрос. У Шахова лучшая служба безопасности в городе. Мое прошлое для него — открытая книга. Эта его осведомленность, эта собственническая, давящая манера вызывать у меня личные триггеры заставляет меня вспыхнуть от ярости.

— Моя личная жизнь не имеет отношения к Градостроительному кодексу, Константин Ардович! — отчеканиваю я, чувствуя, как изнутри поднимается глухая, ледяная ненависть напополам с диким вожделием, которое я отчаянно пытаюсь подавить. — Я требую уважения к закону. Моя комиссия берет законные тридцать дней на проведение полной, детальной экспертизы Хлебниковых мануфактур. И до тех пор, пока мое заключение не будет готово и подписано, вы не снесете там ни одного кирпича. Я заблокирую любые ваши разрешения через суд.

Шахов смотрит на меня еще несколько секунд.

Тишина в зале становится невыносимой, кажется, еще немного — и воздух взорвется.

Затем он медленно выпрямляется, застегивает пуговицу своего пиджака и переводит взгляд на бледного Бородина.

— Пётр Сергеевич, комитет принимает промежуточные тезисы Александровой? — спрашивает он, и в его голосе снова звучит та самая абсолютная власть, которая не терпит возражений.

— Э-э... ну, согласно регламенту, Марина Александровна имеет полное право на проведение полноценного иссле-

дования, — заикается Бородин, пряча глаза. — Мы обязаны предоставить ей тридцать дней. Финальное слушание переносится на первое число следующего месяца.

— Отлично, — Шахов резко поднимается со своего места. Его свита тут же синхронно вскакивает на ноги. — Тридцать дней, Марина Александровна. Я даю вам тридцать дней, чтобы вы поняли, что бетон всегда оказывается крепче любых иллюзий.

Он разворачивается и направляется к выходу.

Его люди послушно семенят следом.

На пороге Шахов на секунду останавливается, поворачивает голову и бросает на меня финальный, пронзительный взгляд, в котором читается обещание полномасштабной, безжалостной войны.

И что-то еще... что-то горячее, темное, собственническое, от чего у меня внутри все завязывается в тугой узел.

Дверь за ними закрывается.

Я медленно опускаюсь на свой стул, чувствуя, как коленки предательски дрожат. Мои ладони, которыми я опиралась на стол, оказываются влажными от пота. Сердце постепенно замедляет свой сумасшедший бег, оставляя после себя ощущение полной опустошенности и дикого, звенящего напряжения.

— Ну, Марина Александровна, вы дали копоти... — качает голов Бородин, садясь на свое место и тяжело вздыхая. — Вы хоть понимаете, что вы сейчас сделали? Вы объявили

войну Шахову. Он же вас сотрет в порошок. Юридически, финансово, репутационно. Он не прощает отказов.

— Пусть попробует, — шепчу я, глядя на пустую дверь, за которой скрылся этот «холодный крокодил».

Внутри меня бушует пожар. Я напоминаю себе, что все сильные, властные мужчины — это разрушители, которые сначала подчиняют, а потом уничтожают твою личность.

Я помню Вадима, помню его измены, его попытки раздавить меня.

Шахов в сто раз опаснее, потому что его сила настоящая, монолитная, подкрепленная гигантскими ресурсами и выдающимся умом. Столкновение с ним — это игра со смертью.

Но почему-то, вопреки всей моей логике, всему моему горькому опыту и здравому смыслу, я ловлю себя на страшной, кощунственной мысли.

Впервые за много лет я чувствую себя по-настоящему, остро живой.

Эта ментальная дуэль, эти искры страсти и ненависти, этот ледяной взгляд, от которого кровь закипает в венах — это лучшее, что случилось со мной за последнее время.

Битва началась.

И я сделаю все, чтобы этот бетонный монстр обломал свои зубы о мой архитектурный расчет.

Глава 4.1 Константин. Полевые испытания

— Она сумасшедшая, Константин Ардович. Просто амбициозная, невменяемая дура, которая решила сделать себе имя на скандале с крупнейшим застройщиком.

Марк говорил быстро, едва поспевая за мной по длинному коридору Градостроительного комитета.

Его обычно безупречный голос сейчас вибрировал от плохо скрываемого возмущения. Я шёл размашистым шагом, не оборачиваясь. Мои мысли были заняты совершенно другим.

Перед глазами всё ещё стояло бледное лицо Марины Александровой, её упрямо сжатые губы и потемневшие от ярости карие глаза.

Она смотрела на меня так, словно я был личным врагом, посягнувшим на её святыню.

Ни тени страха.

Никакого желания угодить или смягчить углы.

Только чистая, концентрированная агрессия, упакованная в безупречные формулировки и подкреплённая железными цифрами.

Мы вышли на крыльцо. Дождь усилился, превратившись в стену воды, которая разбивалась о гранитные ступени. Водитель тут же выскочил из заведённого «Майбаха», раскры-

вая надо мной огромный черный зонт, но я остановился на секунду, вдыхая прохладный, насыщенный озоном воздух.

На душе было странно.

Последние несколько лет моя жизнь напоминала идеально отлаженный конвейер: предсказуемые чиновники, послушные подрядчики, женщины, готовые на всё ради одного моего взгляда. Всё это усыпляло, лишало остроты.

Александрова сегодня одним своим выступлением сорвала этот конвейер с тормозов.

— Она не дура, Марк, — спокойно произнёс я, садясь на заднее сиденье автомобиля. Дорогой кожаный салон встретил меня привычным запахом роскоши и тишины. — Наоборот. Она чертовски умна. И это самая большая проблема.

Марк сел на переднее сиденье, торопливо закрывая свой планшет.

— Но её расчеты по лофтам... Это же бред! Пересогласование проекта займет полтора года! Инвесторы...

— Её расчеты верны, — перебил я его, и Марк мгновенно замолчал, поймав мой взгляд в зеркале заднего вида. — Мои аналитики прикидывали этот вариант еще три месяца назад. Капитализация лофтов с пятиметровыми потолками в этом районе действительно на сорок процентов выше, чем у стандартного премиум-класса. Но я завернул этот проект, потому что не хотел терять время на суды с градозащитниками и согласования в министерствах. Мне нужен был быстрый снос и быстрый монолит. Она нащупала мою самую уяз-

вимую точку и ударила туда при всех.

Я откинулся на подголовник, глядя, как дворники на лобовом стекле яростно размазывают воду. Внутри меня вместо привычной ледяной злости разгорался совсем другой огонь. Это был дикий, почти забытый азарт. Эта женщина не просто бросила мне вызов — она заставила меня почувствовать себя хищником, который встретил на узкой тропе достойного противника.

А её тело...

Господи, когда она поднялась со своего места и оперлась руками о стол, её блузка слегка натянулась на груди, а в вырезе пиджака мелькнула тонкая, изящная ключица. Строгая, закрытая на все пуговицы, похожая на монахиню от архитектуры, но от неё веяло такой бешеной, скрытой сексуальностью, что у меня до сих пор сводило челюсти. Ментальный секс, который она устроила мне в зале заседаний, требовал логического продолжения.

— Какие у неё планы на сегодня? — спросил я, вытаскивая телефон.

— У Александровой? — Марк быстро открыл базу данных. — Согласно регламенту комиссии, после предварительных слушаний она обязана провести первичный визуальный осмотр объекта. Назначено на два часа дня. Она собиралась лично поехать на мануфактуры.

Я посмотрел на часы. Без двадцати два.

— Разворачивайся, — скомандовал я водителю. — Едем

на набережную. К Хлебниковским мануфактурам.

— Константин Ардович, но у вас в три часа встреча с министром транспорта по поводу развязки в Сколково! — испуганно обернулся Марк.

— Перенеси на завтра. Скажи, что я занят на стратегическом объекте. Это не ложь. Переформатирование этого проекта сейчас — задача номер один.

— Понял, — Марк тут же прижал телефон к уху, а «Майбах», мягко покачнувшись, перестроился в левый ряд и пошел на разворот под эстакаду.

Я закрыл глаза, чувствуя, как пульс учащается. Тридцать дней, которые ей дал комитет, — это слишком долго. Я не собирался сидеть в своем кабинете и ждать, пока она напишет свой смертный приговор моему проекту. Я сломаю её оборону гораздо раньше. На её же территории.

Глава 4.2

Территория бывших текстильных мануфактур встретила нас унынием и разрухой. Огромный комплекс из красного кирпича, построенный в конце девятнадцатого века, растянулся вдоль набережной серой, безжизненной громадой. Разбитые окна, заколоченные досками двери, ржавые ворота с облупившейся краской. Когда-то здесь кипела жизнь, шумели ткацкие станки, а сейчас лишь ветер гонял обрывки полиэтилена по пустому двору.

«Майбах» остановился у главных ворот. Дождь почти прекратился, сменившись мелкой, противной изморосью.

— Оставайтесь в машине, — бросил я Марку и водителю, выходя на улицу.

Я не стал брать зонт. Поднял воротник своего кашемирового пальто и уверенно зашагал внутрь двора, наступая дорогами туфлями в грязные лужи. Мне было плевать на обувь. Мой взгляд сканировал пространство в поисках её машины.

И я её нашел. Старенький, но ухоженный темно-серый «Вольво» стоял у входа в главный ткацкий корпус — тот самый, который Александрова так яростно защищала.

Значит, она уже здесь.

Одна. Без своей комиссии. Фанатка, как и говорил Марк.

Я толкнул тяжелую железную дверь, которая отозвалась протяжным, ржавым стоном, и шагнул в полумрак огромно-

го цеха.

Внутри пахло сыростью, старым кирпичом, пылью и плесенью. Огромное пространство с высокими потолками тонуло в тени, лишь редкие лучи дневного света пробивались сквозь грязные стрельчатые окна. Повсюду высились те самые чугунные колонны, о которых она говорила — массивные, покрытые слоями вековой пыли, но всё еще монументальные.

Я замер, прислушиваясь. Шаги. Легкие, отчетливые шаги где-то в глубине зала. И тонкий луч фонарика, разрезающий темноту у дальней стены.

Я пошел на этот свет, ступая максимально бесшумно. Мои шаги тонули в толстом слое пыли и строительного мусора.

Марина стояла спиной ко мне у одной из центральных опор.

На ней больше не было того строгого пиджака — она сменила его на короткую кожаную куртку, которая выгодно подчеркивала её узкую талию и округлые бедра, обтянутые плотными темными джинсами. На голове — белая строительная каска, из-под которой выбилось несколько темных прядей. В одной руке она держала массивный фонарь, в другой — лазерную рулетку. Она что-то измеряла, что-то шептала себе под нос, делая пометки в блокноте.

Такая маленькая, хрупкая на фоне этих гигантских стен, но от каждого её движения веяло такой сосредоточенной, гипнотической силой, что я невольно залюбовался.

— Несущая способность этой колонны снижена минимум на двадцать процентов из-за коррозии основания, Марина Александровна, — произнес я вслух, нарушая тишину цеха.

Она вздрогнула. Резко развернулась, вскидывая фонарь. Яркий луч ударил мне прямо в глаза, но я даже не зажмурился, продолжая идти к ней.

— Вы? — её голос эхом разнесся под сводами цеха. В нем смешались удивление, испуг и мгновенно вспыхнувшая ярость. Она опустила фонарь, направляя луч мне под ноги. — Что вы здесь делаете, Шахов? Вы меня преследуете?

— Я осматриваю свою собственность, Александрова, — я остановился в двух шагах от неё, убирая руки в карманы пальто. — Эта земля принадлежит «Норд-Групп». Так что вопрос скорее к вам: что вы делаете в аварийном здании без сопровождения охраны?

— Я выполняю свою работу, в отличие от ваших инженеров, которые пишут отчеты, не выходя из кабинетов, — она гордо вскинула подбородок, и её глаза в полумраке блеснули, как два раскаленных угля. — И это здание не аварийное. Коррозия основания, о которой вы так авторитетно заявили, поверхностная. Чугун такого качества не гниет за сто лет. Здесь нужен пескоструй и гидроизоляция. Так что ваши сказки про «всё снести» оставьте для Бородина. На меня они не действуют.

Я сделал еще шаг вперед, намеренно нарушая её личное пространство. Марина не отступила, хотя я видел, как на-

приглись её плечи под кожаной курткой, а дыхание стало более частым. От неё пахло дождем, свежестью и легким, едва уловимым ароматом ванили. Этот контраст между грубой промышленной разрухой и её тонким женским запахом подействовал на меня как наркотик. Кровь прилила к голове.

— Вы очень смелая, Марина, — я опустил голос до того самого низкого, вибрирующего регистра, который обычно заставлял моих оппонентов бледнеть. — Или очень глупая. Вы действительно думаете, что сможете остановить проект стоимостью пятнадцать миллиардов рублей своими бумажками и лазерной рулеткой?

— Я верю в закон, Константин Ардович, — её голос слегка дрогнул, но она тут же вернула ему прежнюю жесткость. Она смотрела мне прямо в глаза, и между нами снова заискрило то самое дикое, первобытное напряжение, которое началось еще в зале заседаний. — И в то, что даже у таких всемогущих людей, как вы, есть предел прочности. Вы привыкли, что перед вами все падают ниц. Ваш контракт... это же была обычная взятка, завуалированная под гонорар. Вы думали, что купите меня, как купили всех остальных?

Я хмыкнул, не сводя глаз с её губ. Они были естественно-розового цвета, чуть пухлые, и мне до безумия, до судорог захотелось заткнуть этот её правильный, принципиальный рот жестким, глубоким поцелуем. Показать ей, кто здесь на самом деле хозяин.

— Это был деловой компромисс, Александрова, — отве-

тил я, наклоняясь к ней чуть ближе. — В большом бизнесе нет понятия «взятка». Есть понятие «оптимизация рисков». Моё бюро предложило вам долгосрочное, крайне выгодное сотрудничество. Вы могли бы обеспечить свое бюро работой на пять лет вперед. Но вы предпочли гордость. Из принципа? Или хотите выторговать условия получше? Сколько вам нужно, Марина? Назовите цифру. Только без этих ваших театральных эффектов про «совесть». У всего есть своя цена.

Она задохнулась от возмущения. Её грудь под курткой бурно вздымалась, а рука, державшая фонарь, заметно задрожала.

— Не все измеряется вашими миллиардами, Шахов! — выплюнула она, и в её глазах мелькнула такая глубокая, искренняя обида, что я на секунду засомневался в своей правоте. — Вы мерзки в своей уверенности, что можете купить любого человека. Мой бывший муж был точно таким же. Он тоже думал, что если у него есть деньги, он может изменять, лгать, воровать мои чертежи и выставлять меня душой. Вы — просто увеличенная копия Вадима. Тот же типаж, те же методы. Разрушать то, что не можете подчинить.

Упоминание бывшего мужа в одном контексте со мной заставило меня прищуриться. Внутри меня рыкнул уязвленный собственнический инстинкт. Сравнить меня с этим ничтожеством Волковым? Это оскорбление, которое я не собирался прощать.

— Никогда. Больше. Не сравнивайте меня с вашим быв-

шим мужем, Марина, — мой голос стал тихим и холодным, как лед. Я сделал стремительный шаг вперед, практически прижимая её к чугунной колонне. — Волков — мелкий ворюшка, который пытался паразитировать на вашем таланте, потому что сам ничего не стоил. Я строю этот город. Я создаю рабочие места и ворочаю капиталами, которые вашему мужу и не снились. Если бы я хотел вас уничтожить, вы бы уже завтра лишились лицензии, а ваше бюро закрыли за неуплату налогов. Но я здесь. Я разговариваю с вами. Пытаюсь найти решение.

Марина оказалась зажата между моей массивной фигурой и холодной поверхностью колонны. Фонарь в её руке дернулся, осветив наши лица.

Мы были так близко, что я видел каждую ворсинку на её ресницах, видел, как расширились её зрачки от дикого, смешанного чувства страха и... вожделения.

Да, чёрт возьми! Она могла сколько угодно ненавидеть меня разумом, но её тело выдавало её с потрохами. Я видел, как загорелась кожа на её шее, как участился её пульс на сонной артерии. Эта химия была взаимной, разрушительной и непреодолимой.

— Пустите меня, — прошептала она, пытаясь упереться ладонью в мою грудь. Её пальцы коснулись плотной ткани моего пальто, и я почувствовал, какая у неё маленькая, теплая ладонь. — Вы ведете себя как... как бандит.

— Я веду себя как человек, который не любит терять вре-

мя, — я не двинулся с места, наслаждаясь её близостью, её беспомощностью перед моей физической силой, которую я, впрочем, не применял — я просто стоял рядом. — Вы объявили мне войну, Марина. Но вы не готовы к её последствиям. Что вы будете делать, когда ваши тридцать дней истекут?

— Я напишу честную экспертизу! — она попыталась протиснуться мимо меня, но я заблокировал её движение, поставив руку на колонну прямо над её плечом. Моё лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её уха. — Шахов, уйдите! Это... это незаконно!

— Законно всё, на что я дам согласие в этом городе, — выдохнул я ей в волосы, вдыхая её ванильный запах. — Вы можете ненавидеть меня сколько угодно, Марина Александровна. Но вы будете думать обо мне каждую ночь из этих тридцати дней. Вы будете засыпать с моим именем на губах, потому что этот проект — единственное, что сейчас имеет значение в вашей жизни. И я.

Она подняла на меня взгляд, полный такой яростной, бесильной страсти, что я едва не сорвался. Одно движение — и я бы смял её губы, заставив её признать моё превосходство. Её дыхание обжигало мою кожу. Это был момент наивысшего напряжения, предел прочности нашей обоюдной выдержки.

И в этот самый момент сверху раздался странный, сухой треск.

Мои инстинкты, натренированные годами работы на

стройках, сработали быстрее, чем разум успел осознать опасность. Старое дерево перекрытий второго этажа, размокшее от многодневных ливней, не выдержало.

— Осторожно! — рявкнул я.

В долю секунды я обхватил Марину за талию, буквально отрывая её от земли, и сильным, мощным рывком дернул на себя, закрывая своим телом. Мы отлетели назад, падая на кучу старого брезента и строительного мусора в нескольких метрах от колонны.

В ту же секунду на то место, где она только что стояла, с грохотом рухнула тяжелая деревянная балка второго этажа, увлекая за собой лавину старого кирпича, штукатурки и вековой пыли. Грохот был оглушительным. Цех заволокло густым серым облаком.

Мы лежали на полу. Я находился сверху, нависая над Мариной, надежно укрыв её под своим телом. Мои руки намертво сжимали её талию, а её лицо было уткнуто в воротник моего пальто. Фонарь отлетел куда-то в сторону, продолжая сиротливо гореть на полу, разрезая пылевую завесу тусклым лучом.

В тишине, наступившей после обрушения, было слышно только наше тяжелое, загнанное дыхание.

Я медленно приподнялся на локтях, осматривая её. Строительная каска слетела с её головы, темные волосы рассыпались по брезенту. Лицо Марины было бледным, испачканным кирпичной пылью, глаза широко распахнуты от шока.

Она судорожно хватала ртом воздух, её руки всё ещё мертвой хваткой сжимали лацканы моего пальто.

— Жива? — хрипло спросил я, чувствуя, как адреналин колотит в виски. — Марина, ты цела? Отвечай!

Она моргнула несколько раз, словно возвращаясь из другого измерения. Посмотрела на меня — близко, невероятно близко. Наше положение было интимным, порочным и абсолютно однозначным. Мои бедра плотно прижимали её к полу, и она не могла не чувствовать, как сильно и яростно реагирует моё тело на её близость. Между нами больше не было масок, кодексов и смет. Была только чистая, дикая физиология.

— Цела... — прошептала она, и её голос сорвался на выдох. Её пальцы на моем пальто чуть расслабились, но она не спешила меня отталкивать. Напротив, в её взгляде на мгновение промелькнуло что-то такое... беззащитное, нежное, от чего у меня внутри все перевернулось.

Я смотрел на её испачканное лицо, на её пухлые губы, покрытые тонким слоем пыли, и понимал, что если поцелую её сейчас, она не оттолкнет. Это был идеальный момент, чтобы забрать её, подчинить своей воле, сломать её гордость через эту внезапную слабость.

Но я сдержался.

Я не был мелким мужчинкой вроде Волкова. Мне нужна была её полная, безоговорочная капитуляция — и в бизнесе, и в постели. Она должна была прийти ко мне сама, осознав,

что её бетонная стена независимости — лишь иллюзия перед лицом моей силы.

Я медленно поднялся на ноги, протягивая ей руку. Мои движения были безупречно спокойными и контролируемые, словно ничего не произошло. Словно мы не лежали только что на полу в объятиях друг друга, задыхаясь от страсти.

Марина посмотрела на мою ладонь. Помедлила секунду, затем проигнорировала её, поднимаясь самостоятельно. Её руки дрожали, она покачнулась, но упрямо выпрямилась, отряхивая джинсы от пыли. Её гордость вернулась на место с быстротой архитектурного каркаса.

— Вот вам и предел прочности, Марина Александровна, — произнес я, спокойно поправляя манжеты своей рубашки и отряхивая кашемировое пальто. На моей одежде остались грязные следы, но мне было плевать. Я выглядел хозяином положения. — Здание буквально сыплется вам на голову. Еще вопросы об аварийности у вас остались?

Она посмотрела на груду обломков, которая только что могла лишить её жизни, затем на меня. Её лицо снова превратилось в маску холодной решимости, хотя губы всё еще слегка подрагивали.

— Это обрушение... деревянных конструкций перекрытия, — её голос окреп. — Чугунный каркас, как вы видите, устоял. Балка упала из-за того, что ваша компания не обеспечила надлежащую консервацию объекта после покупки. Вы намеренно гноите эти здания, Шахов, чтобы ускорить снос.

Это подсудное дело.

Я невольно улыбнулся. Фантастическая женщина. Пять минут назад чуть не погибла, только что лежала под мужчиной, который вызывает у неё панический страх напополам с вожделением, а сейчас снова цитирует мне юридические нормы.

— Вы неисправимы, — я сделал шаг назад, направляясь к выходу. — Я спас вам жизнь, Марина. Обычное «спасибо» вполне подошло бы для начала.

— Спасибо, Константин Ардович, — бросила она мне в спину. Голос её прозвучал сухо, но в нем отчетливо слышались новые, глубокие ноты. — Но моя позиция по экспертизе не изменилась ни на один миллиметр. У вас осталось двадцать девять дней.

Я остановился у двери цеха, повернул голову и бросил на неё финальный взгляд. Она стояла в пыльном луче света, маленькая, гордая, со сломанным фонарем под ногами, похожая на Жанну д'Арк посреди руин промышленной революции.

— Посмотрим, Марина, — тихо сказал я. — Время пошло. Берегите голову. Нам еще предстоит много совместной работы.

Я толкнул железную дверь и вышел на улицу, где меня ждал чистый воздух и послушный «Майбах». Внутри меня бушевал адреналиновый шторм.

Эта женщина была опасна для моей империи, для моих

нервов и для моего циничного мировоззрения. Но я точно знал одно: эти тридцать дней станут лучшими в моей жизни. Игра началась, и я не успокоюсь, пока эта гордая карьеристка не окажется в моих руках полностью — со всеми её чертежами, законами и этой дикой, тщательно скрываемой страстью.

Глава 5.1. Марина. Фантомные боли

Пыль укладывалась долго. Она парила в редких косых лучах света, пробивавшихся сквозь уцелевшие стекла, золотистая, плотная, похожая на измельченный в порошок таймлапс вековой истории этих стен.

Я стояла посреди цеха абсолютно одна. Звук захлопнувшейся за Шаховым железной двери всё еще вибрировал в ушах тяжелым, глухим эхом, а снаружи уже доносился приглушенный, сытый рокот уезжающего «Майбаха». Он уехал. Оставил меня здесь, среди руин, со сломанным фонарем и перевернутым вверх дном внутренним миром.

Мои руки дрожали. Я попыталась поднять лазерную рулетку, но пальцы не слушались, прибор выскользнул и глухо стукнул о брезент. Я опустилась на корточки, прижала ладони к лицу и сделала глубокий, судорожный вдох.

В легкие тут же забился запах извести, старого сукна и... его одеколona. Дорогой, сложный аромат с нотами сандала, горького табака и ледяной свежести. Он словно въелся в мою кожу, в мои волосы, в самую ткань куртки.

Господи, что это было?

Я до долей секунды помнила безумную тяжесть его тела. Константин Шахов казался монолитом, отлитым из бето-

на и стали, — ни капли лишнего веса, только жесткие, тренированные мышцы, которые в момент падения накрыли меня, как бронежилет.

Я чувствовала сумасшедший стук его сердца через плотную ткань кашемирового пальто, чувствовала, как его бедра намертво заблокировали мои, лишая малейшей возможности пошевелиться.

И этот взгляд... Ледяной крокодил на несколько секунд превратился в голодного, смертельно опасного хищника. Если бы он тогда меня поцеловал, я бы не смогла оттолкнуть его. Не потому, что хотела, а потому, что его доминация была абсолютной, сокрушительной, парализующей волю.

«Ты просто испугалась обрушения, — приказала я себе, поднимаясь на ноги и силой заставляя разум вернуться в рабочее русло. — Чистый адреналин. Физиология. Никакого отношения к Шахову это не имеет».

Но обмануть себя не получалось.

Вадим, тоже любил демонстрировать власть. Но его власть была мелочной, капризной, выстроенной на манипуляциях, обесценивании и тайных изменах за моей спиной. Он пытался казаться сильным, унижая меня.

Шахову не нужно было казаться. Он был этой силой.

Кое-как собрав вещи и подняв разбитый фонарь, я почти бегом направилась к выходу. Мой старенький «Вольво» встретил меня привычным запахом старой кожи и тепла. Я завела двигатель, включила печку на максимум, хотя на ули-

це было не так уж холодно, и уставилась на свои руки, сжимающие руль. Пальцы побелели.

— Не дожدهшься, Шахов, — хрипло произнесла я в пустоту салона. — Твои пятнадцать миллиардов не купят мою экспертизу. И тебя они тоже не спасут.

Я включила передачу и резко выжала газ, выезжая с территории Хлебниковских мануфактур. У меня оставалось двадцать девять дней, и первый из них я уже едва не проиграла.

Глава 5.2

В офисе моего бюро «Александрова и партнеры» на Чистых прудах всегда царила атмосфера упорядоченного хаоса. Стеллажи до потолка были забиты рулонами кальки, строительными кодексами и макетами из пенопласта. Обычно этот мир чертежей и точных расчетов возвращал мне душевное равновесие, но сегодня всё шло наперекосяк.

— Марина Александровна? Матушка родная, да на тебе лица нет! И... ты что, в муке извалялась? — Оля, мой бессменный секретарь и по совместительству главный инженер-сметчик, всплеснула руками, едва я переступила порог.

Я посмотрела на себя в зеркало в прихожей и поморщилась. Кожаная куртка в серых разводах, джинсы на коленях испачканы грязью, из прически выбились пряди, покрытые мелкой кирпичной крошкой. Вид — как у выжившей после ковровой бомбардировки.

— На мануфактурах обрушился кусок чердачного перекрытия, — сухо ответила я, снимая куртку и бросая её на вешалку. — Ничего страшного. Несущие конструкции в порядке, упала старая подгнившая балка. Оля, сделай мне крепкий кофе. Очень крепкий. И без сахара.

— Обрушился? — Оля побелела, её круглые глаза за стеклами очков стали еще больше. — Господи, Марина, ты могла погибнуть! Надо заявить в МЧС, приостановить экспер-

тизу...

— Никаких МЧС, — отрезала я, проходя в свой кабинет. — Шахов только этого и ждет. Если объект признают аварийным на государственном уровне, его снесут за неделю по ускоренной процедуре «ликвидации угрозы для населения». Это его излюбленный метод. Мы будем играть по правилам.

Я заперлась в кабинете, достала из шкафа запасной деловой костюм — строгий, темно-синий, с идеально отглаженными брюками и закрытым жакетом — и пошла в душевую при офисе. Под струями горячей воды я яростно терла мочалкой плечи, шею, ключицы, словно пыталась смыть само воспоминание о том, как Шахов прижимал меня к полу. Но фантомное ощущение его тяжести не исчезало. Стоило закрыть глаза, и я снова видела его хищный прищур, чувствовала его горячее дыхание на своей щеке.

«Ты карьеристка, Александрова. Ты профессионал, — твердила я себе, застегивая пуговицы свежей блузки. — Твой брак разрушен, твое доверие к мужчинам похоронено на кладбище несбывшихся надежд. Шахов — просто препятствие на пути к контракту века. Крупный, зубастый барьер. Соберись».

Выйдя в кабинет, я села за рабочий стол, заваленный историческими планами мануфактур Хлебникова.

Разложила лазерную рулетку, блокнот и начала переносить данные.

Цифры успокаивали. Графики нагрузок, сопротивление

материалов, глубина залегания фундаментов — здесь всё подчинялось железной логике. Чугунные колонны, отлитые на уральских заводах в 1894 году, имели колоссальный запас прочности. Если убрать сгнившие деревянные перекрытия и заменить их легким монолитом на металлическом каркасе, здание простоит еще три века.

Это был идеальный концепт для лофтов, о которых я говорила на комиссии.

Шахов знал это. Но Шахов не хотел тратить время на ювелирную работу — ему нужен был быстрый, грубый оборот капитала.

Около четырех часов дня тишину кабинета нарушил деликатный, но настойчивый стук в дверь.

— Марина Александровна, к вам... тут это... — Оля заглянула в кабинет, и по её лицу я поняла, что у нас гости, которых мы точно не ждали. — Там Марк. Секретарь Шахова. И он не один.

Я выпрямила спину, мгновенно надевая маску ледяного безразличия.

— Пусть войдет.

Марк вошел в кабинет своей фирменной, скользящей походкой дорогого топ-менеджера. В руках он держал массивный кожаный кейс и продолговатую коробку, обернутую в плотную крафтовую бумагу с логотипом «Норд-Групп». За его спиной маячили двое мужчин в строгих костюмах, комплекцией напоминающие шкафы-купе.

— Добрый день, Марина Александровна, — Марк безупречно улыбнулся, наклонив голову. — Рад видеть вас в добром здравии. Константин Ардович крайне обеспокоен утренним инцидентом на объекте.

— Передайте Константину Ардовичу, что его беспокойство сильно запоздало, — холодно ответила я, не поднимаясь с кресла. — Ему следовало беспокоиться о консервации памятника архитектуры полгода назад, когда его компания приобрела этот участок. Что это? — я кивнула на коробки.

— Это официальный ответ «Норд-Групп» на произошедшее, — Марк жестом приказал одному из своих спутников положить кейс на мой стол. — Здесь предписание о созыве экстренной совместной технической комиссии по безопасности. Ввиду того, что на объекте произошло обрушение, Константин Ардович настаивает на совместном аудите. Наши инженеры и вы. Сегодня. В пять часов вечера в главном офисе «Норд-Групп».

Я прищурилась. Шахов шел напролом. Он использовал несчастный случай, чтобы втянуть меня на свою территорию, окружить своими специалистами и заставить подписать промежуточный акт об аварийности.

— Я не обязана посещать ваш офис, Марк. Моё бюро независимо.

— Разумеется, — согласно кивнул секретарь. — Но согласно пункту 4.2 регламента Градостроительного комитета, в случае возникновения аварийных ситуаций на исследуе-

мом объекте, эксперт обязан координировать свои действия с собственником во избежание человеческих жертв. Если вы откажетесь, мы будем вынуждены зафиксировать ваш отказ нотариально и направить жалобу Бородину. Вы ведь не хотите, чтобы у вас отозвали мандат в первый же день?

Железная хватка. Просчитано до секунды. Они знали, что я не смогу отказаться, не рискнув карьерой.

— Хорошо, — я сдержала рвотный порыв злости. — Я буду в вашем офисе к пяти.

— И еще кое-что, — Марк подошел ближе и аккуратно поставил передо мной продолговатую крафтовую коробку. — Личное распоряжение Константина Ардовича. Он просил передать, что профессионал должен работать с профессиональным оборудованием. И беречь то, что находится под каской.

Марк слегка поклонился и вместе со своей свитой покинул кабинет.

Когда дверь за ними закрылась, я сдернула оберточную бумагу с коробки. Внутри, в ложементе из черного поролона, лежал новенький, матово-черный трехмерный лазерный сканер Leica стоимостью около двух миллионов рублей. Прибор, о котором моё маленькое бюро могло только мечтать — он позволял делать идеальные 3D-модели зданий за считанные минуты, фиксируя малейшие деформации.

А рядом лежала белоснежная строительная каска из сверхпрочного углепластика. На внутренней стороне ко-

зырька маркером было размашисто, жестко написано всего два слова: «Будьте осторожны». И подпись — К.Ш.

Я уставилась на этот подарок, чувствуя, как внутри закипает бешеная, неконтролируемая ярость напололам с унижением. Он покупал меня. Снова. Не деньгами, так технологиями. Демонстрировал свое абсолютное превосходство, подсовывая дорогую игрушку, словно капризному ребенку.

— Хорошо, Шахов — прошептала я, проводя пальцами по холодному корпусу сканера. — Я возьму твой сканер и использую его, чтобы составить самую уничтожающую экспертизу для твоего проекта, которую этот город видел. Сделаю это твоим же оружием.

Глава 5.3.

Башня «Норд-Групп» в Сити подавляла своими масштабами. Шестьдесят этажей из тонированного стекла и титана вонзались в низкое, свинцовое московское небо, словно гигантский хирургический скальпель.

Внутри всё дышало запредельной, стерильной роскошью: трехэтажный атриум, стены из редкого черного мрамора, бесшумные скоростные лифты, от которых закладывало уши, и охрана, выглядящая как спецназ на параде.

Лифт доставил меня на пятидесятый этаж — в святая святых империи Шахова.

Зона пентхаусов и президентских офисов.

Здесь не было суеты. Пол устилал густой, глушащий любые звуки ковер, а из панорамных окон открывался сумасшедший вид на изгиб Москвы-реки, окутанной вечерним смогом и огнями пробок.

— Марина Александровна, проходите, вас ждут, — секретарша на ресепшене, похожая на топ-модель из журнала, вежливо распахнула передо мной тяжелую дверь зала заседаний.

Я вошла, высоко подняв голову, крепко сжимая в руке свой неизменный планшет с расчетами.

Зал заседаний напоминал центр управления полетами.

Огромный стол из массива мореного дуба, интегрирован-

ные в него экраны, интерактивные доски на стенах.

За столом сидели человек десять: главные инженеры «Норд-Групп», начальники юридического департамента, проектировщики. Все мужчины, все в дорогих костюмах, с жесткими, оценивающими взглядами.

И во главе стола сидел он.

Константин Шахов.

Он сменил испачканную на мануфактурах одежду и теперь выглядел безупречно, как патриарх крупного бизнеса.

Темно-серый костюм-тройка, идеально сидящий на его широких плечах, белоснежная рубашка с запонками, галстук в тон. Ни единой пылинки, ни единого намека на то, что пару часов назад этот человек лежал на грязном брезенте, прижимая женщину к полу.

На его лице царило выражение абсолютного, ледяного спокойствия.

Глаза — два омута жидкого азота.

Когда я вошла, он не поднялся. Лишь слегка кивнул, указывая на свободное кресло в противоположном конце стола. Дистанция была намеренной. Он снова обозначал границы своей империи.

— Присаживайтесь, Марина Александровна, — его голос, низкий, с легкой хрипотцой, прозвучал в тишине зала как удар колокола. — Мы как раз начали изучать отчет технического мониторинга Хлебниковских мануфактур за последний квартал. Мои специалисты утверждают, что динамика

разрушения перекрытий критическая.

Я села, положила планшет на стол и обвела присутствующих холодным взглядом.

— Ваша «динамика разрушений», Константин Ардович, вызвана исключительно халатностью вашей управляющей компании. Обрушение балки, свидетелем которого вы стали, произошло из-за протечки кровли, которую никто не ремонтировал последние три года. Но чугунный каркас здания не пострадал. Он находится в идеальном состоянии.

Один из инженеров Шахова, грузный мужчина с седыми усами, снисходительно хмыкнул:

— Уважаемая Марина Александровна, вы рассуждаете как теоретик. Чугун — хрупкий материал. При динамической нагрузке, которую дало обрушение балки, в структуре колонн могли возникнуть микротрещины. Обследовать каждую колонну ультразвуком займет месяцы. У нас нет этого времени. Объект нужно признавать аварийным и демонтировать.

— Микротрещины? — я иронично приподняла бровь, включая свой интеллектуальный режим защиты. — Соппротивление материалов — моя профильная дисциплина, уважаемый. Чугунные опоры мануфактур были отлиты с двукратным коэффициентом запаса прочности, рассчитанным на вибрацию ткацких станков столетней давности. Падение одной деревянной балки для них — как укус комара для слона. И кстати, благодаря... — я сделала паузу, бросив ко-

роткий взгляд на Шахова, — ...некоторым новым техническим средствам, моё бюро проведет лазерное 3D-сканирование каркаса за три дня. Мы зафиксируем отклонения до долей миллиметра. Так что ваши аргументы про «месяцы работы» несостоятельны.

По залу прошел легкий гул. Инженеры переглянулись. Мой выпад был точным, и они это поняли.

Я не была испуганной девочкой, которую можно задавить авторитетом крупной корпорации.

Шахов молчал. Он откинулся на спинку своего массивного кожаного кресла, переплетя пальцы рук на животе, и внимательно, не мигая, наблюдал за мной. В его взгляде не было злости.

Там читалось странное, глубокое удовлетворение. Так гроссмейстер смотрит на красивый ход противника, который делает партию по-настоящему интересной.

— Достаточно, — коротко произнес Шахов, и все мгновенно замолчали.

Инженеры подобрались, юристы замерли.

Власть этого человека над своими подчиненными была абсолютной.

Он перевел взгляд на меня.

— Марина Александровна права в одном. Нам нужны точные данные, а не предположения. Если её бюро готово предоставить трехмерную модель деформаций через три дня — мы подождем три дня.

— Константин Ардович, но графики... — попытался возразить главный инженер.

— Графики корректирую я, Геннадий Петрович, — тихо, но с явным давлением в голосе оборвал его Шахов. — Свободны. Оставьте нас с госпожой Александровой. Нам нужно обсудить юридические аспекты инцидента.

Люди начали быстро собирать бумаги и покидать зал. Через минуту мы остались одни.

Огромное пространство зала заседаний казалось слишком большим для двоих, но воздух между нами мгновенно сгустился до предела. Я чувствовала, как во мне снова просыпается то самое дикое, первобытное напряжение.

Шахов поднялся со своего места. Медленно, не торопясь, он обошел длинный дубовый стол и остановился в нескольких шагах от моего кресла. Он был слишком высоким. Слишком массивным. В его присутствии панорамные окна Сити казались просто декорацией к его личному спектаклю.

— Вам идет этот костюм, Марина, — негромко произнес он, опустив руки в карманы брюк. — Гораздо больше, чем тот, что покрыт кирпичной пылью. Хотя в том, утреннем образе, в вас было что-то... первобытное. Настоящее.

Я поднялась, чтобы не смотреть на него снизу вверх, хотя даже на каблуках едва доставала ему до плеча.

— Мы здесь не для обсуждения моего гардероба, Константин Ардович, — мой голос звучал твердо, хотя внутри

всё сжималось в тугой узел. — За сканер спасибо. Это отличная техника. Но если вы думали, что эта взятка...

— Это не взятка, Александрова, — перебил он, делая шаг вперед. Его глаза потемнели, приобретая оттенок грозового неба. — Это забота о безопасности эксперта, который работает на моем объекте. Я не могу допустить, чтобы с вашей прекрасной головы упал хотя бы волосок. Вы мне нужны. Живой и невредимой.

— Я нужна вам, чтобы подписать снос, — выплюнула я, отступая на полшага, пока не уперлась спиной в холодное панорамное стекло. Идти больше было некуда. Сзади — пропасть в пятьдесят этажей, впереди — Шахов. — Но этого не будет. Ваш проект лофтов прекрасен, но вы хотите уничтожить историю ради быстрой наживы. Вы циник, Шахов.

Он подошел вплотную.

Так близко, что я снова почувствовала его тепло и этот сумасшедший аромат табака и сандала. Он поднял руку, и на секунду мне показалось, что он обожжет мою щеку касанием, но Константин лишь уперся ладонью в стекло прямо над моим плечом, фактически заключая меня в капкан своего тела.

Почти так же, как на мануфактурах.

Только теперь вокруг нас был ультрасовременный офис, а на нем — безупречный дорогой костюм.

— Вы так много говорите про историю, Марина, — его голос опустился до едва слышного, интимного шепота. Наше

дыхание снова переплелось. — Но вы боитесь будущего. Вы смотрите на меня и видите своего бывшего мужа, мелкого неудачника, который сломал вашу веру в мужчин. Вы проецируете свою обиду на мой бизнес. Это непрофессионально для интеллектуала вашего уровня.

Его слова ударили под дых. Точно в цель. Я почувствовала, как к глазам подкатывают слезы ярости, но заставила себя сморгнуть их.

— Не смейте трогать мою личную жизнь, — прошипела я, упираясь ладонями в его жесткую грудь, пытаюсь отодвинуть его. Под моими пальцами была каменная твердость его жилета. — Вы ничего обо мне не знаете.

— Я знаю о вас всё, Марина, — Константин не сдвинулся ни на миллиметр от моих толчков. Наоборот, он наклонился еще ниже, так что его губы оказались в сантиметре от моих. — Я знаю, как вы работаете. Знаю, как вы дышите, когда напуганы. И знаю, как сильно ваше тело хочет меня сейчас, несмотря на всю вашу правильную, карьерную ненависть. Вы можете обманывать Бородина, своих сотрудников, саму себя. Но меня — не сможете.

Между нами бушевал лесной пожар. Химия была такой плотной, что её, казалось, можно было потрогать руками.

Моё сердце колотилось в горле, губы горели от близости его губ.

Я видела тонкую полоску шрама у него над бровью, видела бешеную, темную страсть в его зрачках.

Он доминировал, он подчинял, он выжигал мой кислород без остатка.

Я замерла, прекратив сопротивление. Посмотрела ему прямо в глаза — холодно, упрямо, собирая в кулак остатки своей гордости.

— Возможно, моё тело и реагирует на вас, Константин Ардович, — тихо, но отчетливо произнесла я, глядя на его губы. — Биологию никто не отменял. Вы крупный, сильный самец альфа-типа, это чистые инстинкты. Но мой разум... мой разум презирает ваши методы. А я привыкла подчиняться разуму. Так что вы можете стоять так сколько угодно. Вы не получите от меня ничего, кроме сухих цифр в отчете.

Шахов замер. Его ноздри дрогнули.

Несколько секунд он изучал мое лицо, словно пытался понять, где предел моей прочности.

Затем на его губах появилась медленная, пугающая улыбка. Улыбка крокодила, который точно знает, что добыча никуда не денется.

Он медленно убрал руку со стекла и отступил на шаг, возвращая мне пространство и воздух.

— Три дня, Марина Александровна, — произнес он, застегивая пуговицу на пиджаке и мгновенно превращаясь обратно в ледяного главу корпорации. — У вас есть три дня на сканирование. Мои люди создадут вам все условия. Но помните: если на модели будет хотя бы одна критическая микротрещина в каркасе — я снесу этот чертов завод. И вы

сами подпишете мне разрешение.

— До свидания, Константин Ардович, — я судорожно вздохнула, обходя его по широкой дуге и направляясь к выходу. Мои ноги были ватными, но спина — прямой как струна.

— До встречи, Марина, — донесся его низкий голос мне в спину. — И не забывайте надевать каску. Она вам очень идет.

Глава 6.1. Константин.

Закон сохранения массы

Запах её духов остался в воздухе. Едва уловимый, прохладный, с тонами белого чая и едва заметной, горьковатой нотой бергамота.

Он совершенно не вязался со стерильной, заполненной ароматами дорогой кожи и полированного дерева атмосферой пятидесятого этажа башни «Норд-Групп». Но он въелся в пространство зала заседаний так же прочно, как её финальные слова — в мою память.

Я стоял у панорамного окна, заложив руки в карманы брюк, и смотрел вниз.

Там, далеко внизу, Москва задыхалась в вечерней багровой пробке.

По набережной ползли крошечные, размером с муравьев, автомобили. Где-то среди них был и её старый серый «Вольво» — машина надежная, но катастрофически устаревшая для женщины её уровня.

Марина Александрова.

«Сильный самец альфа-типа, чистые инстинкты».

Я усмехнулся, и моё отражение в тонированном стекле ответило мне жестким, хищным прищуром.

Умная девочка. Феноменально умная.

Вместо того чтобы закатить истерику, расплакаться или попытаться вклеить мне пощечину за то, что я прижал её к стеклу, она просто разложила нашу химию на молекулы.

Попыталась рационализировать то безумное, первобытное притяжение, которое возникло между нами еще там, на Хлебниковских мануфактурах, и достигло пика здесь, в моем кабинете.

Оценила меня как биологический объект. Загнала дикую, сбивающую дыхание страсть в рамки сухой терминологии, чтобы спасти свою хваленую независимость.

Она думает, что разум сильнее инстинктов.

Опасное заблуждение для архитектора, который должен знать: если фундамент заложен неверно, здание рухнет, сколько бы декоративных фасадов ты на него ни навельезжал.

Мои пальцы до сих пор помнили ощущение её лопаток через тонкую ткань блузки. Она казалась хрупкой, почти невесомой под моей ладонью, но в её теле была та редкая, порода нестигаемости, которая встречается только у людей с железным внутренним стержнем.

Мой бывший тесть, старый партийный номенклатурщик, называл это «армированным сознанием». Её нельзя было сломать грубым давлением — она бы просто треснула, уничтожив и себя, и того, кто давит.

Её нужно было брать по-другому.

Ювелирно.

Интегрировать в свою жизнь так, чтобы она сама не заметила, как её независимость стала частью моей империи.

Дверь зала заседаний деликатно скрипнула. Я не обернулся. По звуку шагов — мягких, стремительных, бесшумных — я знал, кто это.

— Константин Ардович, — Марк остановился в трех шагах за моей спиной. — Все разошлись. Юристы готовят соглашение по регламенту трехдневного мониторинга. Геннадий Петрович рвет и мечет у себя в отделе. Говорит, что заморозка площадки на трое суток сдвигает сроки ввода первой очереди на две недели. У нас летят графики по контрактам с субподрядчиками.

— Пусть рвет, — холодно обронил я, поворачиваясь к секретарю. — Геннадию Петровичу полезно снизить уровень кортизола. Если его инженеры не способны обосновать аварийность объекта без того, чтобы устраивать там ковровые обрушения перекрытий, они будут работать по графикам Александровой.

Марк внимательно посмотрел на меня.

За годы совместной работы он научился читать мои построения по тончайшим нюансам — по тому, как завязан галстук, по углу наклона головы, по интонации.

Сейчас он явно видел то, что я не собирался афишировать.

— Марина Александровна приняла лазерный сканер, — добавил Марк, опустив глаза к планшету. — Мои люди под-

твердили: коробку погрузили в её машину. Она не оставила её на ресепшене, хотя, признаться, я ожидал от неё именно такого жеста. При её гордости...

— Она слишком прагматична для пустых демонстраций, Марк, — я подошел к столу, взял со своего места тяжелую хрустальную капсулу с ледяной водой и сделал глоток. — Она прекрасно понимает возможности сканера и использует его, чтобы доказать мне, что я неправ. И это восхитительно.

— Но если она докажет? — Марк приподнял бровь. — Если мы не предоставим акт о сносе мануфактур до конца месяца, проект лофтов зависнет в согласовательных комиссиях. На кону пятнадцать миллиардов проектного финансирования от ВТБ.

Я поставил капсулу на стол. Звук удара толстого стекла о дубовую поверхность получился коротким и веским, как выстрел.

— Бородин получит свой акт тогда, когда я посчитаю нужным, — мой голос опустился на октаву ниже, приобретая ту самую ледяную, давящую силу, от которой у чиновников в министерствах начинали сохнуть губы. — «Норд-Групп» не подстраивается под капризы согласовательных комиссий. Если каркас мануфактур действительно цел, мы скорректируем проект. Сделаем редевелоппмент с сохранением исторического фасада и чугунных опор. Это поднимет класс объекта до «элит» и увеличит стоимость квадратного метра на сорок процентов.

Марк удивленно вскинул голову:

— Но Константин Ардович... Вы ведь изначально были против сохранения старья! Вы говорили, что проще снести и залить монолит.

— Я изменил решение, — отрезал я, глядя ему прямо в глаза. — Вопросы?

— Вопросов нет, — Марк мгновенно подобрался. — Какие будут указания по объекту?

— Выдели для бюро Александровой круглосуточную охрану на площадке. Двоих парней из нашей службы безопасности. Если хоть один кирпич упадет в радиусе пяти метров от неё — начальник охраны объекта на следующий день поедет охранять строительный котлован в Салехарде. Информацию о ходе сканирования дублировать мне на планшет каждые шесть часов.

— Понял. Сделаем. Что-то еще?

— Да. Подними мне полное досье на её бывшего мужа. Вадим Александров. Кажется, у него какое-то мелкое проектное агентство, которое погрязло в долгах перед субподрядчиками после их развода. Мне нужны все цифры, все его обязательства, все его бенефициары. К завтрашнему утру.

Марк кивнул, сделал пометку в планшете и бесшумно исчез за дверью.

Я снова остался один. Включил интерактивную панель на стене, выведя на неё генеральный план Хлебниковского квартала.

Красные линии будущих корпусов безжалостно резали старинные черные контуры ткацких цехов XIX века. Раньше эта картинка вызывала у меня только чисто экономический интерес — эффективная плотность застройки, коэффициент полезной площади, окупаемость инвестиций.

Но теперь, глядя на эти линии, я видел Марину. Видел, как она защищает эти старые кирпичные стены с той страстью, с какой нормальные женщины защищают своих детей. Она видела в этой архитектуре душу, историю, смысл. А я видел ресурс.

Две противоположные системы координат. Две тектонические плиты, которые столкнулись в одной точке, и ни одна не собиралась отступить.

Я вывел на экран данные её биографии, которые Марк прислал мне еще перед первой комиссией. Портретная фотография Марины для официального сайта её бюро. Строгий пучок, ни одной лишней детали, холодный, пронизательный взгляд интеллектуала. Но я-то знал, что за этой ледяной витриной прячется раненая, глубоко запрятанная женственность.

Её брак с Вадимом Александровым длился семь лет. Семь лет последовательного, расчетливого уничтожения её самооценки.

Мои аналитики раскопали, что этот ничтожный слизняк годами присваивал себе авторство её архитектурных проектов, выдавая её идеи за свои на городских тендерах, пока сам

крутил романы с молодыми чертежницами.

А когда Марина нашла в себе силы подать на развод, он попытался отсудить у неё даже долю в её маленьком, только что созданном бюро, засыпав её исками и угрозами.

Он пытался казаться властным, ломая её.

Мелкий, трусливый паразит, который компенсировал собственную профессиональную импотенцию за счет подавления блестящей женщины.

Я почувствовал, как внутри меня шевельнулся холодный, тяжелый гнев. Я не терпел слабых мужчин, но еще больше я презирал тех, кто использовал суррогат власти для унижения равных себе.

Вадим Александров совершил стратегическую ошибку: он оставил на ней шрамы, которые теперь мешали мне.

Из-за его ничтожности она теперь видела во мне врага, видела в моей силе угрозу, выстроив вокруг своего сердца сооружения высшего уровня сложности.

В одиннадцать часов вечера мой «Майбах» мягко затормозил у светофора на съезде с Садового кольца. За окном шумел ночной, неоновый город, умытый внезапным коротким дождем. Я сидел на заднем сиденье, перелистывая на планшете финансовые отчеты «Норд-Групп», но цифры не удерживались в голове.

Перед глазами стояло лицо Марины — её расширенные от адреналина зрачки, прерывистое дыхание и то, как отчаянно и вместе с тем обреченно она упиралась ладонями в мою грудь.

Она сказала, что её разум презирает мои методы.

Это был вызов.

Большинство женщин в её положении — без крупных инвесторов, с долгами после развода и под угрозой потери лицензии — уже давно бы искали компромисс. Пытались бы улыбаться, заигрывать, использовать женские чары, чтобы смягчить «холодного крокодила».

Но Марина Александрова шла в лобовую атаку с забралом, поднятым на максимум. Она знала, что рискует всем, но её профессиональная честь и её внутренние стандарты были для неё абсолютным законом.

Это и было то самое качество, которое я искал всю жизнь и которого не было ни у одной из тех ухоженных, статусных кукол, что сменяли друг друга в моей постели за последние годы. Им нужны были мои деньги, моё влияние, мой статус. Им нужно было погреться в лучах моей власти.

Марине моя власть была не нужна.

Она её пугала, раздражала и... притягивала. Как бы она ни отрицала это, её тело выдавало её с поличным. Тот сумасшедший, рваный стук её пульса на шее, когда я наклонился к её губам, невозможно было симитировать или скрыть за сухими фразами про «биологию самца альфа-типа».

Она хотела меня.

Так же сильно, как я хотел её сорвать этот строгий синий костюм и заставить её забыть про все чертежи, графики и СНИПы на свете.

— Развернись, — коротко бросил я водителю через ин-терком.

— Куда едем, Константин Ардович? — послышался спокойный голос Олега.

— На Хлебниковские мануфактуры.

Олег не задал ни одного лишнего вопроса. Машина плавно перестроилась в крайний левый ряд и ушла на разворот под эстакадой.

Через пятнадцать минут мы въехали в темный, притихший промышленный переулок в районе Бауманской. Ворота были закрыты, но при виде моего автомобиля дежурный охранник мгновенно выскочил из будки, путаясь в полах длинного форменного плаща, и рванул створки настежь.

«Майбах» бесшумно покатился по разбитому асфальту внутреннего двора и остановился у главного прядильного цеха — того самого, где утром едва не случилась трагедия.

Я вышел из машины. Прохладный ночной воздух был пропитан запахом мокрого асфальта, старого кирпича и реки. Но стоило мне поднять глаза, как я замер.

В огромных, частично заколоченных окнах второго этажа цеха дрожал тусклый, мертвенно-белый свет. И это был не свет прожекторов нашей охраны.

Я достал телефон и набрал начальника смены безопасности объекта.

— Кто на площадке? — спросил я без предисловий.

— Константин Ардович! — в трубке раздался испуганный, запыхавшийся голос. — Так это... Александрова Марина Александровна со своим инженером. Приехали полчасика назад. Сказали, что ночная смена согласована по допсоглашению. У них там прибор какой-то хитрый, лазерный, говорят, ночью помех от уличного трафика меньше, данные точнее ложатся. Мои парни с ними, как вы приказали, ведут контроль конструкций...

— Назад, — прервал я его. — Охране оставаться на постах у входа. К Александровой не приближаться, не мешать. Я сам на площадке.

Я повесил трубку, спрятал телефон в карман пальто и направился к тяжелой железной двери цеха.

Глава 6.2.

Она не стала ждать утра.

Не стала тратить ни одной минуты из тех трех дней, что я ей дал. Она приехала сюда ночью, в пустой, аварийный цех, чтобы начать свою войну со мной. Мой подарок — сканер Leica — уже был в деле. Она использовала его на полную мощность, пока я сидел в своем теплом офисе и листал её досье.

Внутри цеха было темно и сыро.

Мои дорогие туфли глухо стучали по бетонному полу, покрытому строительным мусором. Я шел на свет, доносившийся со второго яруса, поднимаясь по старой чугунной лестнице с ажурными перилами — теми самыми, которые Геннадий Петрович требовал сдать в металлолом.

Чугун под моими пальцами был ледяным, монументальным и абсолютно надежным. В этом Марина была права: это здание строили на века, с тем же фанатичным упрямством, с каким она сама сейчас пыталась его спасти.

Я поднялся на второй этаж и остановился в тени массивной несущей колонны.

Она была там.

Марина стояла посреди огромного, уходящего в темноту пространства цеха. На ней были те же джинсы, удобные кроссовки и теплая дутая куртка, в которой я видел её утром.

Волосы были небрежно собраны в хвост на затылке, а на голове... на голове была та самая белоснежная углепластиковая каска, которую я прислал ей в коробке. Наклейка с логотипом «Норд-Групп» была безжалостно содрана, но я знал, что на внутренней стороне козырька по-прежнему красуется моя размашистая надпись: «Будьте осторожны».

Она надела её. Несмотря на всю свою гордость и ненависть ко мне, она подчинилась моему требованию безопасности. Или... моему проявлению заботы?

В десяти метрах от неё, на высоком профессиональном штативе, медленно, с едва слышным высокотехнологичным жужжанием, вращался матово-черный сканер. Тонкий, почти невидимый в темноте зеленый луч лазера скользил по старинной кирпичной кладке, по сводчатым потолкам, по чугунным опорам, считывая миллионы пространственных точек в секунду и превращая их в безупречную цифровую реальность на экране её планшета.

Рядом с Мариной на корточках сидел её молодой инженер — бледный парень в очках, который судорожно стучал по клавишам ноутбука, установленного на раскладном походном столике.

— Марина Александровна, первый сектор готов, — тихо произнес парень, не поднимая головы. — Облако точек легло идеально. Отклонения по вертикали третьей колонны — всего четыре миллиметра. Это в пределах нормы даже для современных монолитных конструкций. Чугун держит

нагрузку. Микротрещин на ультразвуке первого уровня не обнаружено. Шаховские инженеры просто сфальсифицировали данные в весеннем отчете, чтобы ускорить согласование сноса.

Марина молчала.

Она смотрела на экран планшета, и в блеклом свете монитора её лицо казалось бледным, сосредоточенным и невероятно красивым той строгой, интеллектуальной красотой, от которой у меня внутри начинал закипать лед.

— Не торопись, Костя, — тихо ответила она, и от упоминания её инженера-тезки у меня внутри неприятно кольнуло.

Жесткое, собственническое чувство, которое я никогда раньше не испытывал к женщинам, подняло голову. — Проверь узел сопряжения балки со стеной в четвертом секторе. Там, где была протечка. Нам нужен безупречный массив данных. Если мы пропустим хоть одну деталь, Шахов уничтожит нас на финальной комиссии. Он не прощает ошибок.

— Да уж, Шахов — настоящий монстр, — пробормотал парень, запуская следующий цикл сканирования. — Он одним взглядом может прижать. Страшный человек. Власть абсолютная, давит как гидравлический пресс.

Марина на секунду замерла. Она опустила планшет, повернулась к окну, за которым шумела ночная Москва, и сделала глубокий вдох.

— Он не страшный, Костя, — негромко произнесла она, и её голос прозвучал в пустом цеху странно, с какой-то скры-

той, вибрирующей нотой. — Он просто... масштабный. Он мыслит категориями кварталов, миллиардов и десятилетий. Для него люди — это функции, а архитектура — строительный объем. В нем нет мелочности, понимаешь? Он просто занимает собой все доступное пространство, и если ты не умеешь дышать в его атмосфере, ты задыхаешься. Это не его вина. Это его природа.

Я слушал её, затаив дыхание. Мои ладони, упершиеся в холодный кирпич колонны, слегка сжались.

Она поняла меня.

Поняла глубже и точнее, чем все мои вице-президенты, партнеры по бизнесу и аналитики вместе взятые. Она раскусила мою суть не через призму страха или лести, а через чистый, холодный интеллект. Она увидела мой масштаб и приняла его как данность, как закон природы, с которым нужно считаться, а не просто бояться.

Это было чертовски сексуально.

Способность женщины понять структуру твоей силы — это высшая форма ментальной близости, которая возбуждала меня сильнее, чем любое физическое обнажение.

— Но вы ведь не задохнулись, Марина Александровна? — парень поднял на неё глаза.

Марина слабо улыбнулась. В темноте цеха эта улыбка показалась мне мимолетной вспышкой света.

— Я учусь дышать под водой, Костя. Раз уж нам пришлось столкнуться с крокодилом в его собственном водоеме. Рабо-

тай. У нас осталось меньше семидесяти часов.

Я медленно вышел из тени колонны.

Мои шаги по бетону были тихими, но Марина мгновенно обернулась. Интуиция или то самое шестое чувство, которое всегда предупреждает жертву о приближении хищника, работало безупречно.

Она увидела меня, и её планшет едва не выскользнул из рук. Глаза расширились, каска слегка сдвинулась на лоб, открывая тонкие, напряженные брови. Парень-инженер испуганно вскочил со своего стула, едва не перевернув ноутбук.

— Константин Ардович? — голос Марины сорвался на шепот, но она тут же взяла себя в руки, выпрямляя спину и делая шаг навстречу. — Что вы здесь делаете? Время — полночь. Площадка передана моему бюро для мониторинга по официальному регламенту.

Я шел к ней медленно, не снимая рук из карманов пальто. Дорогое пальто посреди заброшенного, пыльного цеха выглядело чужеродным, но я чувствовал себя здесь абсолютным хозяином. Каждого квадратного метра этой земли. И её самой.

— Я собственник этого объекта, Марина Александровна, — спокойно произнес я, останавливаясь в двух шагах от неё. Лазерный луч сканера скользнул по моему плечу, на секунду окрасив дорожную ткань пальто в ядовито-зеленый цвет. — Я имею право инспектировать свои владения в любое время суток. Особенно когда на моей площадке работают люди без

официального ночного ордера от МЧС.

— У нас есть допсоглашение, подписанное вашим секретарем, — она упрямо подняла подбородок. Белая каска делала её лицо еще более хрупким, но взгляд карих глаз горел прежним, нестигаемым огнем. — Мы не нарушаем закон.

— Я знаю, — я перевел взгляд на её инженера, который замер у своего столика, напоминая испуганного суслика перед удавом. — Костя, верно? Оставь нас. Иди вниз, проверь посты охраны. Мне нужно поговорить с вашим руководителем наедине.

Парень перевел дикий, умоляющий взгляд на Марину.

Она на секунду помедлила, затем коротко кивнула:

— Иди, Костя. Всё в порядке. Проверь калибровку внешних датчиков на первом ярусе.

Парень почти пробежал мимо меня, втягивая голову в плечи, и через несколько секунд тяжелый стук его кроссовок затих на чугунной лестнице.

Мы снова остались одни.

Посреди огромного, темного цеха, под мерное, гипнотическое жужжание лазерного сканера.

— Вы преследуете меня, Шахов, — тихо, со скрытой угрозой произнесла Марина, делая шаг назад, но я мгновенно сократил дистанцию, заставляя её остановиться. — Это уже выходит за рамки делового этикета. Днем в Сити, ночью — здесь. Чего вы хотите?

— Я хотел посмотреть, как вы работаете, — я вынул ру-

ки из карманов и медленно, осторожно, словно укротитель, приближающийся к дикой кошке, протянул ладонь к её голове.

Марина вздрогнула, попыталась отклониться, но я не позволил. Мои пальцы коснулись холодного углепластика каски. Я аккуратно поправил её, сдвинув чуть назад, чтобы открыть её лоб и эти удивительные, полные ярости и напряжения глаза. Мои пальцы на секунду задержались у её виска, чувствуя, как под тонкой кожей бешено колотится жилка.

— Вам идет белый цвет, Александрова, — тихо произнес я, глядя на неё сверху вниз. — И я рад, что вы умеете слушать умные советы. Безопасность — это основа любой структуры.

— Я надела каску не ради ваших комплиментов, Константин Ардович, — её дыхание снова стало частым, прерывистым. Она отчаянно пыталась сохранить свой ледяной, профессиональный тон, но близость моего тела разрушала её настройки. — Это требование техники безопасности. И ваш прибор... он действительно лучший в своем классе. Спасибо. Но это не изменит моих выводов. Мы уже отсканировали первый сектор. Чугун цел. Ваши инженеры лгали вам, чтобы освободить площадку под снос. Вы теряете деньги на демонтаже того, что могло бы принести вам тридцать процентов чистой прибыли при правильном редевелопменте.

Я слушал её, и внутри меня разливалось густое, темное удовлетворение.

Она говорила со мной на моем языке — языке цифр, прибыли и эффективности.

Она не умоляла пощадить старинное здание из жалости к истории.

Она доказывала мне мою экономическую выгоду, используя мой же ресурс.

— Я знаю, что они лгали, Марина, — негромко сказал я, делая еще полшага вперед, так что носки моих туфель уперлись в её кроссовки. — Я знал это еще до того, как подписал приказ о созыве комиссии.

Марина замерла. Её губы слегка приоткрылись от удивления, а в глазах промелькнуло искреннее замешательство.

— Вы... знали? Но зачем тогда весь этот спектакль? Зачем требовать сноса, если вы, как умный девелопер, понимаете ценность редевелопмента?

— Потому что мне нужен был сильный противник, — я наклонился к её лицу, чувствуя, как её прохладный аромат белого чая смешивается с моим горьким табаком. — Мне нужна была экспертиза, к которой ни одна городская инстанция не сможет придраться. Если бы мои инженеры написали отчет о сохранении здания, Бородин из мэрии обвинил бы нас в попытке сэкономить на безопасности и заставил бы проходить государственную экспертизу, которая длится год. Но если независимое бюро «Александрова и партнеры» — бюро с безупречной репутацией и жестким, неподкупным руководителем — предоставит трехмерную модель и дока-

жет, что чугуны простоят еще триста лет... Город подпишет мне ГПЗУ за три дня. Без единого вопроса.

Марина смотрела на меня, и в её глазах отражался сложный, мучительный процесс перестройки всей её логической картины мира.

Она поняла.

Поняла мою многоходовку.

Поняла, что я использовал её жесткость, её профессионализм и её независимость как таран для пробивания бюрократических стен мэрии.

Я сделал её ключевым игроком в своей партии, даже не спросив её согласия.

— Вы... как вы могли, Шахов? — прошептала она, и в её голосе слышалась опасная, дрожащая смесь злости и восхищения. — Вы использовали меня. Использовали моё бюро, мою репутацию...

— Я использовал твой талант, Марина, — я перешел на «ты», и это прозвучало как финальный гвоздь, забитый в гроб её профессиональной дистанции. Я поднял руку и аккуратно, едва касаясь, провел тыльной стороной ладони по её бледной, прохладной щеке.

Она вздрогнула, но не отпрянула. Силы покинули её.

— И я заплачу за этот талант самую высокую цену на рынке. Твоё бюро получит генеральный подряд на проектирование всего Хлебниковского лофт-квартала. Пятнадцать миллиардов бюджета. Десять процентов от стоимости контракта

— твои. Ты станешь самым востребованным архитектором этого города. Твой бывший муж со своим обанкротившимся агентством будет подползать к твоему офису на коленях, умоляя о субподряде.

Её глаза полыхнули при упоминании Вадима. Я попал в самую открытую, самую болезненную рану на её теле.

— Откуда ты... откуда ты знаешь про Вадима? — её голос задрожал.

— Я знаю о тебе всё, девочка моя, — я наклонился еще ниже, останавливаясь в миллиметре от её губ. Жужжание сканера за нашей спиной казалось сумасшедшим счетчиком времени, которое стремительно истекало для нас обоих. — Я знаю, как тебя ломали. И знаю, что ты построила этот бетонный забор вокруг себя, чтобы больше ни один мужчина не смог причинить тебе боль. Но я не твой бывший муж. Мне не нужно уменьшать тебя, чтобы казаться большим. Мне нужен твой масштаб. Мне нужна твоя сила. Мне нужна ты. Вся. От первой до последней строчки твоих чертежей.

Между нами больше не было воздуха. Была только чистая, концентрированная гравитация пятидесятого этажа, перенесенная в эти старые, сырые стены ночного цеха. Марина смотрела на мои губы, её дыхание стало прерывистым, судорожным. Она стояла на грани — на грани того, чтобы сломать свою последнюю инструкцию безопасности и упасть в эту пропасть вместе со мной.

Она медленно подняла руки и уперлась ладонями в мои

плечи. Но на этот раз она не толкала. Её пальцы судорожно сжали плотную ткань моего пальто, словно она пыталась удержаться на ногах посреди землетрясения, которое я устроил в её душе.

— Константин... — её голос был едва слышным стоном.
— Это... это безумие. Мы не должны. Проект... комиссия...
— Забудь про проект, он уже наш, Марина, — прошептал я, накрывая её губы своими.

Это не был мягкий или деликатный поцелуй. Это было взятие высоты. Грубое, доминантное, но полное запредельной, долго сдерживаемой страсти, которая копилась во мне с первой секунды нашей встречи на комиссии. Я смял её губы, заставляя её открыться, углубляя поцелуй, забирая её дыхание без остатка. Мои руки намертво зафиксировали её талию, прижимая её fragile тело к моему, лишая её малейшей возможности отступить.

И Марина ответила.

С той же яростью, с каким она защищала свои мануфактуры.

Она целовала меня так, словно пыталась выпить мою силу, словно боролась со мной за право дышать в этой новой, созданной мной атмосфере.

Её пальцы впились в мои плечи, каска слетела с её головы и с глухим стуком покатилась по бетонному полу цеха, но ни один из нас этого не заметил. Вокруг нас вращался лазерный луч, фиксируя миллионы точек в пространстве. Но в нашей

личной системе координат осталась только одна точка — та, где столкнулись две нестигаемые системы

Глава 7.1. Марина. Точка деформации

Мои пальцы сжимают руль с такой силой, что костяшки белеют, превращаясь в идеальные мраморные точки. На приборной панели за полночь. Я лечу по ночному шоссе, оставляя позади контуры строительной площадки, темные скелеты башенных кранов и... его.

Константина Ардовича.

В салоне машины пахнет бензином, но мой собственный мозг упрямо подбрасывает другой аромат — сумасшедший, чисто мужской коктейль из дорогого табака, древесных нот и обжигающего тепла.

Мои губы до сих пор горят. Они пульсируют мелкой, едва заметной дрожью, и сколько бы я ни облизывала их, пытаюсь стереть это ощущение, вкус его безумного поцелуя будто въелся в мои капилляры.

«Проект уже наш, Марина», — его низкий, хриплый шепот до сих пор вибрирует у меня в ушах.

Я резко сбрасываю передачу, заставляя “Вольво” взрывать.

Как я это допустила?

Я, Марина Александровна, которая построила свою жизнь заново на сухой логике, цифрах и железобетонных чертежах.

Еще совсем недавно, подписывая документы о разводе, я дала себе клятву: больше никто и никогда не зайдет на мою территорию без приглашения.

Никто не сделает меня своей тенью или послушной игрушкой.

Но Константин не просил приглашения.

Он просто пришел и взял то, что ему хотелось.

Агрессивно, жестко, не оставляя пространства для маневра.

Самое паршивое — я ответила.

На мгновение я потеряла контроль, поддавшись этой первобытной, дикой страсти, словно пыталась выпить его силу.

На пассажирском сиденье лежит белая строительная каска, которая слетела с моей головы в тот момент, когда его руки намертво зафиксировали мою талию. Я бросаю на неё короткий взгляд в зеркало заднего вида.

— Это просто адреналин, — говорю я вслух, и мой голос звучит на удивление твердо в пустом салоне. — Мы закрыли тяжелейший этап экспертизы мануфактур. Обычная психосоматика на фоне колоссального стресса. Ничего личного.

Я повторяю это как мантру, паркуя машину у своего дома.

Но, засыпая под утро, я всё равно вижу перед собой ледяной, парализующий взгляд его темных глаз и эту хищную, уверенную улыбку человека, который твердо знает: весь этот город, включая меня, рано или поздно станет его личной экосистемой.

В девять утра я уже в офисе. На мне безупречный темно-изумрудный костюм-тройка, шпильки и ни капли усталости на лице. Это моя броня. Мой щит.

— Марина Александровна, доброе утро! — моя ассистентка Катя семенит за мной по коридору, едва успевая записывать на ходу. — Юристы «Норд-Групп» прислали окончательный текст договора по авторскому надзору за редевелопментом старого квартала. И... Константин Ардович просил передать, что ждет вас на финальное согласование в своем офисе в одиннадцать. Лично.

Я останавливаюсь у двери своего кабинета настолько резко, что Катя едва не врезается мне в спину.

— Договор я посмотрю. Передай его юристам, что пункт 12.2 о сохранении исторических фасадов мануфактур изменению не подлежит. Если Шахов захочет сдвинуть хотя бы один несущий пилон ради расширения подземного паркинга, экспертиза будет аннулирована. Так ему и передай.

— Кому именно? Его секретарю? — моргает Катя.

— Ему лично, — чеканю я. — И вызови мне машину на десять тридцать. Поедем сдавать позиции... точнее, утверждать регламент.

Оставшись одна, я подхожу к панорамному окну. У меня есть старая, неосознанная привычка задумчиво прикусывать нижнюю губу, но сегодня это движение отзывается острой, сладкой вспышкой воспоминания. Губа до сих пор немного

припухла.

«Холодный крокодил», — мысленно ругаюсь я, закрывая лицо ладонями.

Расчетливый, опасный хищник.

И я сама зашла в его вольер.

Офис «Норд-Групп» встречает меня все той же звенящей, стерильной роскошью. Когда я вхожу, Константин уже там. Он стоит у окна, заложив руки в карманы брюк. Безупречный темно-серый костюм сидит на его мощной, спортивной фигуре как влитой. Рубашка расстегнута на одну верхнюю пуговицу — деталь, которая кажется почти вызывающей в этой официальной обстановке.

Он оборачивается. Его ледяной взгляд скользит по мне — медленно, оценивающе, от шпилек до кончиков собранных в строгий узел волос. Ни один мускул не дрогнул на его жестком лице.

Словно и не было вчерашнего безумия на бетонной плите. Словно он не сжимал меня так, будто хотел присвоить навсегда.

— Добрый день, Марина Александровна, — его низкий баритон бьет по моим натянутым нервам, как смычок по струнам. — Рад, что вы пунктуальны. Пунктуальность — признак надежного партнера.

— Добрый день, Константин Ардович, — я прохожу к длинному столу из монолитного камня и сажусь, изящно закинув ногу на ногу. Вынимаю планшет, раскладываю бумаги.

Мой голос — образец профессиональной отстраненности. — Я привезла финальные правки к регламенту. Предлагаю сразу перейти к делу, мое время сегодня жестко лимитировано.

Он слегка приподнимает одну бровь.

На его губах на секунду появляется та самая хищная улыбка, от которой у его конкурентов обычно перехватывает дыхание.

Он садится напротив. Слишком близко. Пространство между нами мгновенно насыщается его присутствием, и я снова чувствую этот чертов запах его парфюма.

— К делу так к делу, — соглашается он, пододвигая к себе документы. — Мои юристы доложили, что вы мертвой хваткой вцепились в пункт о сохранении старых кирпичных складов. Марина, давайте смотреть на вещи трезво. Снос этих трех объектов сэкономит мне сорок миллионов рублей на этапе закладки фундамента. И сократит сроки на два месяца.

— Эти склады — образцы промышленного модерна начала двадцатого века, Константин Ардович, — я смотрю прямо в его ледяные глаза, принимая вызов. В моих глазах загорается тот самый опасный огонь, который всегда появляется, когда кто-то пытается оспорить мою профессиональную правоту. — Они держат весь визуальный каркас исторического квартала. Если мы их снесем, ваш «элитный комплекс» превратится в очередную бездушную стеклянную коробку, каких в этом городе сотни. Вы потеряете уникальное торго-

вое предложение. Просчитайте риски долгосрочного позиционирования, а не сиюминутную выгоду.

— Бездушную? — он наклоняется вперед, опираясь локтями о стол. Его мощные плечи визуально перекрывают мне выход из-за стола. — Мои проекты никогда не бывают бездушными, Марина. И они всегда окупаются.

— В девелопменте важна не только экспансия, но и интеграция, — парирую я, не отводя взгляда. Наш спор похож на шахматную партию, где каждая реплика — просчитанный ход. — Старое и новое должны сосуществовать. Если вы не готовы уважать характер места, зачем вы вообще наняли мое бюро? Чтобы я просто штамповала ваши капризы? Вы ошиблись адресом. Я не занимаюсь архитектурным обслуживанием. Только партнерством на равных.

Константин молчит несколько секунд. Его взгляд опускается на мои губы, задерживается там на долю мгновения, и я чувствую, как внутри меня начинает подниматься крупная, прерывистая дрожь. Я изо всех сил сжимаю под столом ладони, удерживая внешнюю маску ледяной королевы.

Мы ведем войну на глазах у целого юридического отдела, который тихо сидит в конце стола, боясь даже вздохнуть. Для них Шахов — пугающий властью, давящий и подчиняющий лидер. Они никогда не видели, чтобы кто-то разговаривал с ним в таком тоне.

— Партнерство на равных, — медленно повторяет он, словно пробуя слова на вкус. — Мне нравится эта формули-

ровка. Хорошо. Склады мы оставляем. Но... с одним условием. Вы лично разработаете концепцию их трансформации под арт-пространства. И лично утвердите её у меня. До конца недели.

— Это потребует работы в круглосуточном режиме, — замечаю я, сузив глаза.

— Я знаю, как вы умеете работать в круглосуточном режиме, Марина Александровна, — в его голосе проскальзывает едва заметный, хриплый обертон, понятный только нам двоим.

Полунамок, который бьет наотмашь. Он напоминает о вчерашней ночи на объекте, когда мы остались одни.

— Вы поразительно выносливы. И очень упрямы. Это... редкое качество для эксперта.

Юристы за столом синхронно опускают глаза в свои блокноты. Атмосфера в переговорной накаляется до такой степени, что, кажется, протяни руку — и между нами проскочит видимый электрический разряд.

— Договорились, — я резко подписываю свой экземпляр соглашения и закрываю планшет. — Концепция будет у вас в пятницу утром. А сейчас прошу меня извинить.

Я встаю, расправляю лацканы жакета и собираюсь уйти. Спина прямая. Шаг уверенный. Я почти праздную маленькую победу — склады отвоеваны, субординация восстановлена.

Но я забыла, с кем имею дело. Константин Шахов никогда

не отпускает свою добычу просто так.

— Господа, свободны, — бросает он своей команде.

Юристов и проектировщиков сдувает из переговорной за три секунды. Дверь с мягким щелчком закрывается, отрезая нас от остального мира.

Я замираю у самого выхода, уже взявшись за ручку двери.

— Марина, останься, — его голос звучит не как просьба. Это приказ. Спокойный, тяжелый, не терпящий возражений властный тон человека, который привык подчинять.

Приглашаю вас в свою новинку

"Жена с доставкой для Зверева"

<https://litnet.com/shrt/okjp>

ИРИНА БИЛАРДИ

Аннотация:

— У всего есть цена, Вика, — он небрежно бросает на стол ключи от машины, которая стоит как вся моя жизнь. — Назови свою.

— Мои принципы в эту валюту не конвертируются, — я вздергиваю подбородок, хотя сердце бьется где-то в горле. — Оставьте подачки для своих силиконовых кукол.

Зверев криво усмехается, и от этой улыбки по спине ползет обжигающий холодок.

— Какая восхитительная гордость. Посмотрим, что от нее останется через месяц.

Георгий Зверев — опасный хищник, который не прощает ошибок. Он мог уничтожить мою жизнь одним звонком, но вместо этого выдвинул ультиматум. Я должна работать на него. Быть рядом и подчиняться.

Он думает, что загнал меня в угол. Но забыл, что женщине, которой нечего терять, сам черт не брат. Даже если этот черт безумно красив, пахнет кедром и большими деньгами, а его взгляд заставляет забыть, как дышать.

Глава 7.2.

Я медленно оборачиваюсь. Мои шпильки звонко цокают по каменному полу.

— Константин Ардович, если у вас есть дополнительные вопросы по смете...

— К черту смету, — он встает и делает несколько шагов ко мне.

Его походка — бесшумная, хищная грация крупного зверя. Он останавливается в полушаге от меня, полностью блокируя пространство. От него исходит такое мощное тепло, что у меня начинает кружиться голова.

— Вчера на объекте ты не была такой официальной.

— Вчера была ошибка, — я вскидываю подбородок, глядя на него снизу вверх. Мой взгляд горит опасным огнем.

— Аномалия, вызванная стрессом и сдачей проекта. Я прошу вас забыть об этом инциденте. Мы — деловые партнеры. Между нами контракт на миллиарды, и я не допущу, чтобы личные... эээ... глупости влияли на мою репутацию.

Его темные глаза мгновенно превращаются в два куска обжигающего льда. На его лице не отражается ни тени слабости или замешательства.

Он делает еще полшага вперед. Теперь между нами буквально пара сантиметров. Я чувствую, как его дыхание касается моих волос.

Его большая ладонь поднимается, и я на секунду зажимаюсь, ожидая, что он прикоснется ко мне. Но Константин лишь с глухим стуком опирается рукой о тяжелую дубовую дверь прямо над моим плечом, беря меня в физический капкан своего тела, но не касаясь ни единым сантиметром одежды.

Этот прием тоньше и страшнее любого грубого захвата. Он давит своей ментальной силой, своей абсолютной мужской доминантой.

— Ошибка? — тихо, но отчетливо переспрашивает он. — Значит, ты называешь то, что произошло вчера, ошибкой? Марина, ты слишком умна, чтобы лгать самой себе. Я видел, как ты смотрела на меня на комиссии. Я чувствовал, как ты дрожала в моих руках. И ты отвечала на мой поцелуй с той же яростью, с какой защищаешь свои чертежи.

— Вы преувеличиваете... — мой голос на секунду прерывается, и я мысленно проклинаю себя за эту слабость.

— Я никогда ничего не преувеличиваю. — Он склоняется еще ниже, так что я вижу каждую темную крапинку в его прозрачно-серых радужках. — Твое тело не считало это ошибкой, когда твои пальцы впивались в мое пальто. Ты хотела меня не меньше, чем я тебя.

— Я не сплю со своими заказчиками, — шиплю я, упираясь ладонями в его грудь.

Под тонким слоем дорогой ткани жилета ощущается безупречная сталь его мускулов.

Мои пальцы невольно сжимаются, скомкав шелк его галстука.

— Отойдите, Константин. Вы не сможете просто снести мои личные границы бульдозером.

Он издает низкий, бархатный смешок, от которого у меня по позвоночнику катится лавина мурашек.

— Мне не нужен бульдозер, Марина. Я просто найду слабое место в твоей бетонной стене, как нашел его вчера ночью, — его хищная улыбка становится шире, но глаза остаются ледяными и собранными. — Ты можешь надевать свои идеальные костюмы, застегивать душу на все пуговицы и строить вокруг себя железобетонные стены. Но я умею сносить преграды, если они мешают моему проекту.

— Я не ваш проект, Шахов! — в отчаянии выплевываю я, пытаюсь оттолкнуть его, но он даже не шелохнулся от моего толчка. Он стоит как скала, пугающий своей непоколебимой силой. — Я независимый эксперт. И если вы продолжите переходить границы, я расторгну контракт и уйду.

— Не уйдешь, — его голос звучит абсолютно уверенно. — Во-первых, ты слишком любишь эти мануфактуры. Ты не отдашь их на растерзание моим технологам. Ты останешься и будешь бороться за каждый кирпич. Во-вторых... ты слишком голодна по настоящему противостоянию. Твой бывший муж кормил тебя суррогатом. Я даю тебе чистый адреналин. И ты подседа на него с первой нашей встречи.

Его слова — это хирургически точные удары. Он бьет пря-

мо в центр моей уязвимости, вскрывая те страхи, в которых я не признавалась даже себе.

Я задыхаюсь от возмущения и той дикой, неправильной тяги, которая заставляет мое тело тянуться к нему, несмотря на все команды разума.

Мое сердце колотится где-то в районе горла. Этот мужчина смертельно опасен. Он просчитывает меня как открытую книгу, и его напор лишает меня привычной логики.

— Вы слишком самоуверенны, — шепчу я, глядя прямо на его губы.

— Я просто знаю, чего хочу. А хочу я тебя.

Он убирает руку от двери, медленно проводя костяшками пальцев по моей щеке. От этого мимолетного контакта меня прошивает током.

Он делает шаг назад, возвращаясь в рамки строгой деловой дистанции и давая мне возможность дышать.

— Жду концепцию в пятницу, Марина Александровна. Постарайтесь не разочаровать меня. У вас отличный предел прочности, но у любого материала есть своя точка деформации. Мне крайне интересно узнать, где находится твоя.

Я одергиваю полы изумрудного жакета, собирая в кулак остатки своего профессионального достоинства.

— В пятницу в девять утра концепция будет у вас на столе, Константин Ардович, — ледяным тоном отвечаю я. — И поверьте, моя точка деформации находится далеко за пределами ваших мощностей.

Я резко открываю дверь и выхожу в коридор. Мои шпильки яростно чеканят шаг по мрамору.

Я иду, держа спину прямой, чувствуя между лопаток его тяжелый, собственнический взгляд сквозь прозрачное стекло переговорной.

Глава 8.1. Константин.

Контролируемое обрушение

Дверь моей переговорной всё ещё едва заметно вибрирует после того, как она за ней скрылась. Звук её шпилек, яростно чеканящих шаг по мрамору, уже стих в глубине коридора, но в воздухе всё ещё висит её прохладный аромат белого чая с горьковатой нотой бергамота.

Я стою у панорамного окна сорокового этажа, заложив руки в карманы брюк, и смотрю на раскин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.